НИКОЛАС

СПАРКС

Дважды два

Спаркс: чудо любви

Николас Спаркс

Дважды два

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Спаркс Н.

Дважды два / Н. Спаркс — «АСТ», 2016 — (Спаркс: чудо любви)

ISBN 978-5-17-100457-6

Новая очаровательная история от Николаса Спаркса! История огромной, не знающей границ любви со всеми ее сложностями, риском и, прежде всего, радостью, которую она приносит. История о том, что жизнь никогда не останавливается, – и пусть наши планы и надежды не всегда реализуются сразу, как знать, когда черная полоса сменится белой, а горечь одиночества – новым счастьем? Иногда конец – это новое начало… Рассел Грин считал себя счастливчиком – у него была крепкая семья, любимая работа, уютный дом. Но однажды его привычная жизнь просто рассыпалась как карточный домик. Теперь Рассел разрывается между ролью отца-одиночки и заботами человека, пытающегося начать бизнес с нуля. Он готов на все, чтобы защитить свою маленькую дочку от последствий столь серьезных перемен в жизни, и личная жизнь совершенно не вписывается в его планы. Но все меняет случайная встреча – встреча с женщиной, способной подарить ему счастье, о котором он не мог и мечтать…

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-100457-6

© Спаркс Н., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 18
Глава 4 30
Глава 5 44
Глава 6 57
Глава 7 67
Глава 8 73
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Николас Спаркс
Дважды два

Вам, мой верный читатель! Спасибо за последние двадцать лет

Nicholas Sparks
TWO BY TWO
Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Park Literary Group LLC и Andrew Nurnberg.
© Willow Holdings, Inc., 2016
© Перевод. У. Сапцина, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017
Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1
А с ребенком – трое

– Ого! Здорово!

Помню, этот возглас вырвался у меня сразу же, как только Вивиан вышла из ванной и показала мне тест на беременность с положительным результатом.

Честно говоря, скорее я был удивлен. «Как, уже?..»

Шок и доля ужаса. Мы поженились чуть больше года назад, и, как только решили обзавестись детьми, Вивиан объявила мне, что первые несколько лет намерена провести с ними дома. Раньше я всегда соглашался с ней, мне и самому этого хотелось, но в тот момент я понял также, что нашей жизни семейной пары с двумя источниками дохода вскоре придет конец. Мало того, я даже не был уверен, готов ли стать отцом, но что мне оставалось? Ведь она не обманывала меня, не скрывала, что хочет ребенка, и сразу сообщила, когда перестала пить таблетки. Конечно, я тоже хотел детей, но она прекратила принимать таблетки всего три недели назад! Помню, я думал, что у меня, наверное, есть как минимум несколько месяцев в запасе, пока ее организм перестроится, приспособится к нормальному состоянию. Я рассуждал так: может, забеременеть не так-то просто и придется ждать год или два, откуда мне знать.

Но только не моей Вивиан. Ее организм быстро перестроился.

Осторожно обняв, я смотрел в ее лицо, пытаясь разглядеть что-то особенное. Но ведь еще слишком рано, верно? И кстати, что такое это пресловутое «сияние лица»? Признак того, что кое-кто раскраснелся и взмок от жары? Или способ намекнуть, насколько теперь изменится наша жизнь?

Вопросы множились, а я, Рассел Грин, обнимал свою жену и не мог ответить ни на один из них.

Через несколько месяцев произошло грандиозное событие, а если короче – ЭТО наконец свершилось, но я, признаться, почти весь день провел как в тумане.

Сейчас, спустя время, я думаю, что следовало бы записать все подробности сразу, пока они были еще свежи в памяти. Такие события, как ЭТО, надо сохранять как можно подробнее, а не в виде нечетких моментальных снимков, на которые теперь похожи мои воспоминания. Да и этим воспоминаниям я обязан исключительно Вивиан. Каждая подробность как будто врезалась в ее память, ведь принято считать, что боль обостряет разум. А Вивиан все-таки рожала.

Иногда, вспоминая события того дня, мы с Вивиан немного расходились во мнениях. К примеру, я считал свои действия совершенно оправданными, а Вивиан утверждала, что я вел себя то как эгоист, то как полный идиот. Когда она рассказывала эту историю друзьям – а делала она это множество раз, – слушатели непременно посмеивались или качали головами, выражая сочувствие.

Положа руку на сердце я не считаю себя ни эгоистом, ни полным идиотом. В конце концов, это наш первый ребенок. Никто не знал, как будут протекать роды. Неужели к такому вообще можно подготовиться? Мне говорили, что процесс родов непредсказуем; на протяжении беременности Вивиан не раз напоминала мне, что от первых схваток до рождения ребенка он может занять больше суток, особенно если ребенок первый, и что роды продолжительностью двенадцать часов и более – норма. Как большинство молодых будущих отцов, я считал жену экспертом в этой области и верил ей на слово. Ведь это она, а не я, перечитала кучу книг по беременности и родам.

Замечу также, что в то утро я действовал не так уж и бестолково. К своим обязанностям я отнесся со всей серьезностью. И сумка с вещами Вивиан, и сумка с вещами ребенка были собраны, содержимое обеих перепроверено дважды. Фотоаппарат и видеокамера заряжены, детская полностью укомплектована всем, что только могло понадобиться нашему ребенку в течение как минимум месяца. Я знал кратчайший путь до больницы и вдобавок изучил запасные маршруты – на случай пробки на шоссе. А еще знал, что ребенок скоро появится на свет: хоть многочисленные сигналы тревоги в преддверии дня его рождения и были ложными, даже до меня дошло, что обратный отсчет уже начался.

Поэтому я не особо удивился, когда в половине пятого 16 октября 2009 года моя жена разбудила меня и объявила, что схватки повторяются каждые пять минут и пора ехать в больницу. Мне и в голову не пришло усомниться в ее словах, ведь она знала разницу между схватками Брэкстона-Хикса и *истинными.* И хотя я ждал этого момента, первые мои мысли были не о том, чтобы, наскоро одевшись, погрузить вещи в машину, и даже не о жене и не о ребенке, который вот-вот должен был родиться. Вместо этого в голове у меня крутилось что-то вроде «*сегодня свершится ЭТО, все будут делать снимки, а потом долгие годы рассматривать их. И мне, хотя бы ради потомков, перед выездом следовало бы заскочить в душ, потому что мои волосы выглядят так, будто я всю ночь провел в аэродинамической трубе*».

Я тщеславен, просто мне казалось, что времени у меня еще *хоть отбавляй*, потому я и сказал Вивиан, что буду готов через пару минут. Как правило, я не задерживаюсь в душе, обычно у меня уходит не более десяти минут на все про все, в том числе на бритье. Но в тот день, как только я взбил на щеках крем для бритья, мне показалось, что я слышу крик жены из гостиной. Я прислушался, ничего больше не услышал, но на всякий случай ускорился. Когда споласкивался, я снова услышал ее крик. Запахнув на талии полотенце, я вышел в темный коридор. Бог свидетель, я простоял под душем меньше шести минут.

Мне понадобилась секунда, чтобы сообразить, что Вивиан стоит на четвереньках, кричит в свой мобильник, что я принимаю «ИДИОТСКИЙ ДУШ!», и «КАКОГО ХРЕНА ЭТОТ КРЕТИН СЕБЕ ДУМАЕТ?!?!?!». Определение «*кретин*» было самым мягким из всех, которыми она меня наградила. Я не знал, что схватки повторяются уже не каждые пять, а каждые две минуты и что у нее начались боли в пояснице. Мучительные боли. Вивиан внезапно испустила вопль такой силы, что он, наверное, до сих пор слышится в нашем районе в Шарлотте, Северная Каролина, – довольно мирном и тихом месте.

Можете не сомневаться: после этого я еще прибавил скорости, натянул на мокрое тело одежду и бросился грузить вещи в машину. Я поддерживал Вивиан, пока мы шли до машины, и ни слова не сказал о том, что она впилась ногтями в мое предплечье. Через мгновение я уже сидел за рулем и сразу после выезда на улицу позвонил акушеру, который пообещал встретить нас в больнице.

Когда мы подъехали, схватки повторялись по-прежнему каждые две минуты, и это означало, что Вивиан направят прямиком в родильную палату. Я держал ее за руку и пытался руководить ее дыханием – причем она снова не постеснялась в выражениях, чтобы высказать все, что думает обо мне и о том, куда мне «*заткнуть это чертово дыхание*!» – пока не пришли делать эпидуральную анестезию. В начале беременности Вивиан много думала о том, соглашаться ли на анестезию, и нехотя приняла верное решение. Как только лекарство подействовало, мучения прекратились, и Вивиан впервые с утра улыбнулась. Ее акушер – лет шестидесяти, седой, с аккуратной стрижкой и приветливым лицом – заходил в палату каждые двадцать-тридцать минут, чтобы проверить раскрытие шейки. А я между его визитами позвонил родителям и моей сестре.

Момент настал. Медсестры подготовили аппаратуру. А потом врач велел моей жене тужиться.

Вивиан тужилась на протяжении трех схваток; во время третьей врач неожиданно начал поворачивать кисти рук, как фокусник, извлекающий кролика из цилиндра, и я опомниться не успел, как стал отцом.

Вот так.

Врач осмотрел нашу малышку, выявил легкую анемию, зато на месте были все десять пальчиков на руках, десять на ногах, здоровое сердце и комплект функционирующих легких. Я спросил об анемии, но врач сказал, что причин для беспокойства нет, потом брызнул какой-то вязкой жидкостью в глаза нашего ребенка. Малышку вымыли, запеленали и положили на грудь моей жене.

Как я и предполагал, фотографироваться нам пришлось весь день. Но, как ни странно, когда снимки рассматривали, никому не было дела до того, как я на них выгляжу.

Говорят, дети рождаются похожими или на Уинстона Черчилля, или на Махатму Ганди. Но поскольку анемия придала серовато-бледный оттенок коже малышки, моей первой мыслью было, что она похожа на Йоду, только, конечно, без длинных ушей. Заметьте – на *прекрасного* Йоду, *потрясающего* Йоду, Йоду настолько *чудесного*, что, когда она схватилась за мой палец, у меня от счастья едва не разорвалось сердце. Через несколько минут прибыли мои родители, и я, в нервном возбуждении выбежавший встречать их в коридор, выпалил первое, что пришло в голову:

– *У нас серый ребенок*!

Мама посмотрела на меня, как на сумасшедшего, а отец принялся ковырять в ухе, словно мог ослышаться из-за скопившейся в нем серы. Ничего не ответив, они вошли в палату и увидели Вивиан, с безмятежным выражением лица укачивающую на руках нашу дочь. Мы переглянулись, и я подумал, что Лондон суждено стать самой любимой малышкой в мире. Да, все новоиспеченные отцы наверняка считают то же самое. Но *самый любимый ребенок в мире* может быть только один, и я, думая об этом простом факте, слегка удивлялся тому, что другие посетители больницы не спешат заглянуть в нашу палату, полюбоваться моей дочерью.

Моя мать шагнула к постели и вытянула шею, чтобы разглядеть ребенка.

– Вы уже выбрали имя? – спросила она.

– Лондон, – ответила моя жена. – Мы решили назвать ее Лондон.

Наконец мои родители уехали, но вернулись в тот же день. В промежутке между их визитами нас навестили и родители Вивиан. Они прилетели из Александрии, штат Виргиния, где выросла Вивиан. Их приезд привел мою жену в восторг, но сам я мгновенно почувствовал, как напряжение в палате начало нарастать. Мне всегда казалось, что они считают, будто их дочь *устроилась* в жизни, решив выйти за меня. И моих родителей они, похоже, недолюбливали, и не без взаимности. Все четверо общались тепло, но тем не менее сразу было видно, что они предпочитают избегать общества друг друга.

Моя старшая сестра Мардж тоже приехала вместе со своей подругой Лиз и привезла подарки. Они пробыли вместе дольше, чем мы с Вивиан – на тот момент более пяти лет, и я не только считал Лиз идеальной парой для моей сестры, но и знал: Мардж – лучшая старшая сестра, какая только может быть у мальчишки. Мой отец работал сантехником, мать – секретарем в приемной дантиста, пока несколько лет назад не вышла на пенсию. И Мардж порой не только заменяла их, но и служила моим доверенным лицом, помогая преодолевать муки пубертата. Кстати, ни Мардж, ни Лиз не любили родителей Вивиан: эта неприязнь стала очевидной еще накануне моей свадьбы, когда родители Вивиан наотрез отказались посадить Мардж и Лиз вместе за главный стол. Правда, в итоге Мардж присутствовала на свадьбе, а Лиз нет, вдобавок Мардж предпочла надеть не платье, а смокинг, но нанесенного оскорбления не простили обе, к тому же гетеросексуальные пары никто не разбивал. Честно говоря, я не виню

Мардж и Лиз за их отношение к родителям Вивиан. И между прочим, Мардж и Лиз ладят намного лучше, чем большинство знакомых мне супружеских пар.

Посетители приходили и уходили, а я весь день провел в палате с женой, сидел то в кресле-качалке у окна, то на постели рядом с Вивиан, и мы оба время от времени восторженно повторяли: *у нас дочь*! Я не сводил глаз с жены и малышки, точно зная, что принадлежу им всецело и что мы навсегда связаны друг с другом. Чувства переполняли меня. Вдруг я задумался о том, как Лондон будет выглядеть в подростковые годы, о чем будет мечтать, как распорядится своей жизнью. Как только Лондон начинала хныкать, Вивиан машинально подносила ее к груди, а я становился свидетелем очередного чуда.

«*Откуда Лондон знает, что делать*? – мысленно изумлялся я. – *Господи, откуда ей это известно*?»

Об этом дне у меня сохранилось еще одно сокровенное воспоминание.

Это случилось в первую ночь, проведенную в больнице, спустя долгое время после ухода наших последних посетителей. Вивиан уснула, я дремал в кресле-качалке, когда услышал, что моя дочь ворочается. До этого дня я ни разу не держал на руках новорожденного младенца, поэтому прижал ее к себе. Я думал, придется будить Вивиан, но, к моему удивлению, Лондон притихла. Медленно и осторожно я отступил к качалке, сел и следующие двадцать минут изумлялся чувствам, пробуждающимся во мне. Я уже всем сердцем любил свою дочь, но теперь жизнь без нее стала казаться мне невообразимой. Помню, как я шептал ей: я ее отец, я всегда готов прийти к ней на помощь, и она, слишком буквально восприняв мои слова, обкакалась, заерзала и наконец расплакалась. И мне пришлось передать ее Вивиан.

Глава 2
В начале

– Сегодня я все им сказала, – объявила Вивиан.

Мы наконец остались вдвоем. Вивиан устало переоделась в пижаму и заползла под одеяло. Была середина декабря. Лондон уснула меньше часа назад; в возрасте восьми недель она по-прежнему спала всего три-четыре часа подряд. Вивиан не жаловалась, но постоянно была уставшей. Красивой, но уставшей.

– Кому и что ты сказала? – спросил я.

– Робу, – ответила она, имея в виду своего босса в медиакомпании, где работала. – Я известила его, что не выйду на работу после окончания отпуска по беременности и родам.

– А-а… – отозвался я, ощущая тот же укол ужаса, что и во время осознания себя отцом. Вивиан зарабатывала наравне со мной, и я сомневался, что без ее заработка мы сможем позволить себе прежний образ жизни.

– Он сказал, что, если я передумаю, двери для меня всегда открыты. Но я объяснила, что чужие люди воспитывать Лондон не будут. Иначе зачем вообще было заводить ребенка?

– Меня не надо убеждать, – отозвался я, делая все возможное, чтобы скрыть свои чувства. – Я на твоей стороне. Но ты ведь понимаешь, что это означает. Теперь мы не сможем так же часто ужинать вне дома и будем вынуждены сократить расходы.

– Понимаю.

– И ты согласна ходить по магазинам реже?

– Ты говоришь это так, будто я швыряю деньги на ветер.

Иногда выписки по кредитке говорили об обратном, как и шкаф Вивиан, в который с трудом помещались одежда, туфли и сумочки, но я уловил раздражение в ее голосе, а меньше всего мне сейчас хотелось затевать спор. Вместо этого я притянул Вивиан к себе, решив закончить разговор иначе, и поцеловал ее в шею.

– Прямо сейчас? – спросила она.

– Уже столько времени прошло…

– И моему бедняжечке кажется, что он вот-вот лопнет, да?

– Я бы не рисковал.

Она рассмеялась, но едва я начал расстегивать ее пижамную кофточку, как из радионяни донесся какой-то шорох. Мы в тот же миг замерли не дыша.

Тишина.

Но когда я решил, что опасность миновала, и отважился сделать выдох – из динамика радионяни донесся отчаянный крик. Я перекатился на спину, Вивиан выскользнула из постели. К тому времени, как Лондон наконец успокоилась – для чего понадобилось добрых полчаса, – Вивиан была уже не в том настроении, чтобы повторять попытку.

Но утром нам с Вивиан повезло. Настолько повезло, что я вызвался побыть с Лондон, когда она проснется, чтобы Вивиан могла еще немного поспать. Однако Лондон, должно быть, устала не меньше Вивиан: за то время, пока я пил две чашки кофе, слышал только, как она кряхтит в полусне.

Войдя в детскую, я увидел, что мобиль над кроваткой вращается, а Лондон энергично перебирает ножками. Я не сдержал улыбку, и вдруг в ответ она тоже улыбнулась.

Это был не рефлекс. Я не верил своим глазам. Улыбка была настоящая, как восход солнца, а когда Лондон залилась неожиданным смехом, и без того блистательное начало моего дня внезапно стало в тысячу раз лучше.

Мудрым человеком меня не назовешь.

Нет, интеллектом я не обижен. Но быть мудрым – это не просто обладать интеллектом. Мудрость включает в себя понимание, эмпатию, опыт, душевное спокойствие и интуицию. И сейчас я могу точно сказать, что многих из этих черт мне явно недостает.

Вот что еще я усвоил: возраст – гарантия мудрости не более чем гарантия интеллекта. Да, знаю, эта точка зрения непопулярна – мы ведь нередко приписываем нашим старикам мудрость отчасти потому, что они седы и морщинисты, верно? Но за последнее время я убедился, что некоторым людям от рождения присуща способность с возрастом становиться мудрее, а другие лишены ее, а у некоторых наличие мудрости проявляется даже в молодости.

К примеру, у моей сестры Мардж. Она мудра, хотя всего на пять лет старше меня. И Лиз тоже. Она моложе Мардж, но ее замечания всегда имеют смысл и вместе с тем деликатны. После разговоров с ней я часто ловлю себя на том, что подолгу обдумываю каждое ее слово. Мои родители тоже мудры, и я, много размышляя об этом, пришел к выводу, что хоть мудрость и передается в нашей семье по наследству, я ею начисто обделен.

Ведь если бы я был мудрым, я прислушался бы к Мардж еще летом 2007 года, когда она привезла меня на кладбище, где похоронены наши дед и бабушка, и спросила, действительно ли я уверен в решении жениться на Вивиан.

Если бы я был мудрым, я прислушался бы к отцу, когда он спросил меня, тридцатипятилетнего, уверен ли я, что хочу открыть собственную рекламную компанию.

Если бы я был мудрым, я прислушался бы к маме, которая советовала мне проводить с Лондон как можно больше времени, ведь дети так быстро растут, а упущенные годы не вернешь.

Но, как я уже сказал, мудрым человеком меня не назовешь. В итоге моя жизнь практически вошла в штопор. И я не был уверен, удастся ли мне когда-нибудь выйти из него.

С чего начать, когда пытаешься понять ситуацию, смысла в которой нет? С самого начала? А где оно, это начало?

Кто знает…

В детстве я верил, что почувствую себя взрослым к тому моменту, как мне исполнится восемнадцать, и оказался прав. В восемнадцать я уже строил планы на жизнь. Мои родители существовали от зарплаты до зарплаты, и это было не по мне. Я мечтал основать собственный бизнес, быть самому себе хозяином, хотя и понятия не имел, чем я, собственно, собираюсь заниматься. Рассудив, что учеба поможет мне сделать первые шаги в верном направлении, я поступил в Университет штата Северная Каролина, но чем дольше учился, тем отчетливее ощущал, что не взрослею. К тому времени, как получил диплом, я никак не мог избавиться от мысли, что остался, в сущности, тем же мальчишкой, каким был в старших классах школы.

Университет не помог мне и с выбором бизнеса, который я собирался основать. Практического опыта у меня было мало, капитала – еще меньше, поэтому, отложив на время исполнение своей мечты, я устроился на работу в сфере рекламы к человеку по имени Джесси Питерс. Я ходил в офис, носил деловые костюмы, но по-прежнему чувствовал себя *моложе*, чем полагалось по возрасту. В выходные я часто заглядывал в те же бары, что и во время учебы, и часто представлял, как мог бы начать все заново, с первого курса, и легко вписаться в студенческое братство. За последующие восемь лет произошли перемены: я женился, купил дом, пересел за руль гибрида, но при всем этом далеко не всегда чувствовал себя обновленной, повзрослевшей версией самого себя. Ведь Питерс, по сути дела, занял место моих родителей – как и они, имел право говорить мне, что делать и чего *не делать*. В результате казалось, будто я только *притворяюсь* взрослым. Порой, сидя за рабочим столом, я пытался убедить себя: «*Так, все это по-настоящему. Теперь я взрослый*».

Разумеется, осознание пришло само собой – после того, как родилась Лондон, а Вивиан бросила работу. Мне в то время не исполнилось и тридцати. Психологически было тяжело ощущать себя в роли единственного добытчика в семье на ближайшие несколько лет, к тому же от меня потребовались жертвы, которых я никак не ожидал. И если не это называется «быть взрослым», то что тогда – я не знаю. После завершения рабочего дня в рекламном агентстве – в те дни, когда мне удавалось вернуться домой не слишком поздно, – я входил в дверь, слышал крик Лондон «папочка!» и всякий раз расстраивался, что не могу проводить с ней больше времени. Она неслась ко мне, я подхватывал ее на руки, она обнимала меня за шею, и я ловил себя на мысли, что мои жертвы не напрасны – хотя бы потому, что у нас есть наша чудесная девочка.

В лихорадочной суматохе жизни было легко убедиться, что самое важное – мои жена и дочь, работа, семья – в порядке, хотя я по-прежнему не хозяин самому себе. В редкие моменты, когда я представлял будущее, я ловил себя на мысли, что рисую его мало чем отличающимся от настоящего, и это меня устраивало. С виду все шло довольно гладко, хотя именно это было поводом насторожиться. Поверьте, у меня и мысли не закрадывалось о том, что меньше чем через пару лет я стану просыпаться по утрам с тем же чувством, что и эмигранты на острове Эллис, которые прибывали в Америку, не имея ничего, кроме надетой на них одежды, не зная языка и не понимая, *как им теперь жить*.

Но когда именно все пошло не так? Если бы я спросил у Мардж, последовал бы однозначный ответ: «Все покатилось по наклонной, когда ты встретил Вивиан» – она не раз говорила мне об этом. И она не была бы собой, если бы не исправлялась: «Беру свои слова обратно: все началось даже раньше, когда ты учился в школе и повесил на стену тот плакат – с девчонкой в бикини и со здоровенными сиськами. Кстати, этот плакат мне всегда нравился, но он сбил тебя с толку». А потом, немного погодя, она качала головой и говорила: «Но если вдуматься, ты всегда был испорченным, и мои слова как человека, которого в семье всегда считали паршивой овцой, что-нибудь да значат. Может, на самом деле твоя беда в том, что ты всегда был слишком хорошим – себе во вред».

Так-то. Процесс, когда пытаешься разобраться, что все-таки пошло не так, или, точнее, где *ты* сам допустил оплошность, напоминает чистку лука. Под очередным слоем шелухи всегда обнаруживается еще один, всплывает еще одна былая ошибка или мучительное воспоминание, которое уводит еще глубже в поисках *истины*. Я уже достиг точки, когда оставил всякие попытки дойти до самой сути. Единственное, что теперь имеет значение, – разобраться в прошлом настолько, чтобы научиться избегать подобных ошибок.

Для этого важно понять самого себя. А это, между прочим, непросто. Так что начну вот с чего: взрослея, я постепенно пришел к убеждению, что на свете существуют две категории мужчин. «Женатики» и «холостяки». «Женатик» – это тот, кто оценивает, пожалуй, каждую девушку, с которой встречается, как потенциальную жену, способную стать его *Единственной*. По этой же причине женщины тридцати-сорока лет часто повторяют: «*Все хорошие мужчины уже заняты*». Под «хорошими» женщины подразумевают тех мужчин, которые готовы и способны стать мужьями.

Я всегда относился к «женатикам». Быть в паре казалось мне *правильным*. По некой причине я всегда чувствовал себя уютнее в присутствии женщин, а не мужчин, даже если речь шла о друзьях. А уж общение с единственной женщиной, *которая вдобавок безумно влюблена в меня*, представлялось мне высшим из всех мыслимых благ.

Наверное, так тоже бывает. Но именно здесь и возникает загвоздка, потому что не все «женатики» одинаковы. В категорию «женатиков» входят разные подгруппы – к примеру, мужчины, которые также считают себя «*романтиками*». Звучит неплохо, правда? По заверениям большинства женщин только о таких мужчинах они и мечтают. Должен признаться, как раз

к этой подгруппе я и отношусь. Но в отдельных случаях у представителей той же подгруппы есть прошивка «подкаблучника». Убежден: достаточно приложить усилие, и моя жена будет боготворить меня так же, как и я ее.

Но что сделало меня таким? Может, я такой по природе? Или на меня повлияла обстановка в семье? Или же я просто в нежном возрасте насмотрелся мелодрам? Или свою роль сыграло все перечисленное?

Понятия не имею, но без колебаний могу заявить: перебор с мелодрамами – вина одной только Мардж. Она любила классику вроде «Незабываемого романа» и «Касабланки», но годились и «Привидение», и «Грязные танцы», а уж «Красотку» мы смотрели раз двадцать. Этот фильм был у Мардж самым любимым. Разумеется, в то время я не знал, что мы с сестрой обожали смотреть его потому, что оба втрескались в Джулию Робертс, но сейчас речь не об этом. Наверное, этот фильм будут смотреть вечно, потому что он *действует*. Между персонажами, которых играют Ричард Гир и Джулия Робертс, чувствуются… *флюиды*. Они общаются. Учатся доверять друг другу, несмотря ни на что. Влюбляются. А разве можно забыть сцену, когда Ричард Гир ждет Джулию – он решил сводить ее в оперу – и она появляется в платье, которое полностью преображает ее? Зритель видит ошеломленное лицо Ричарда. Потом он наконец спохватывается и открывает бархатный футляр – в нем лежит бриллиантовое колье, которое Джулия наденет этим вечером…

Все сказано всего несколькими сценами. Я имею в виду романтику: доверие, предвкушение и радость в сочетании с оперой, нарядами и драгоценностями ведут к *любви*. У меня, еще не достигшего подросткового возраста, в мозгу разом щелкнуло: это же что-то вроде практического руководства «Как произвести впечатление на девушку». В сущности, все, что мне нужно было запомнить, – парень сначала должен *понравиться* девушке, и тогда *романтические жесты* приведут к *любви*. Так в реальном мире появился еще один романтик.

Когда я учился в шестом классе, к нам пришла новенькая. Мелисса Андерсон переехала из Миннесоты и была светловолосой и голубоглазой, как ее предки-шведы. Увидев ее в школе впервые, я, как и многие другие, остолбенел. Все мальчишки шептались о ней, и я нисколько не сомневался, что она самая симпатичная девчонка из всех, чья нога когда-либо ступала в класс миссис Хартман, начальной школы имени Артура Э. Эдмондса.

Но разница между мной и другими мальчишками школы заключалась в том, что я точно знал, как действовать. Я был готов добиваться Мелиссу. И хотя я не Ричард Гир с его частными самолетами и бриллиантовыми колье, у меня имелись велосипед и умение плести браслеты с деревянными бусинами. Но все это следовало после. А сначала мы – в точности как Ричард и Джулия – должны были *понравиться* друг другу. Я начал придумывать предлоги, чтобы за обедом сесть за один стол с ней. Когда она говорила, я слушал и задавал вопросы, а когда спустя несколько недель она наконец сказала, что, как ей кажется, я хороший, я понял: настало время сделать следующий шаг. И я написал стихи – о том, как она жила в Миннесоте и какая она красотка, – и однажды сунул их ей в школьном автобусе вместе с цветком. Потом я сел на свое место, точно зная, что будет дальше: она поймет, что я не такой, как все, и с этим пониманием придет яркое озарение, которое побудит ее взять меня за руку и попросить проводить до дома, как только мы выйдем из автобуса.

Вот только ничего из моих стараний не вышло. Вместо того чтобы прочитать стихи, она всю дорогу до дома болтала со своей подружкой Эйприл, а на следующий день села за обедом с Томми Хармоном, а со мной вообще не разговаривала. Не заговорила она со мной и на следующий день, и следующие за ними. Потом Мардж застала меня в унынии у себя в комнате и объяснила, что я перестарался и мне просто надо быть самим собой.

– Так я и делаю.

– Тогда, может, стоит измениться, – подсказала Мардж. – А то кажется, будто это твой последний шанс.

Беда была в том, что я не задумывался. Разве Ричард Гир задумывался? А он явно знал побольше моей сестры. Но опять-таки мудрость и я несовместимы. Потому что «Красотка» – кино, а я жил в реальном мире. Так или иначе, сценарий, сложившийся с Мелиссой Андерсон, повторялся в некоторых вариациях с другими девчонками, пока наконец не превратился в стереотип, который я никак не мог сломать. Я стал королем романтических жестов – цветов, записок, открыток и тому подобного. В студенческие годы я даже был «тайным поклонником» одной девчонки. Я открывал двери, расплачивался на свиданиях, выслушивал все, о чем только хотелось поговорить девушке, даже о том, как сильно она до сих пор любит своего бывшего. Большинство девушек не скрывали, что я им нравлюсь. Я серьезно. Для них я был *другом*, парнем из тех, кого компания подружек зовет с собой повсюду, но с теми девчонками, на которых я имел виды, мне редко удавалось добиться успеха. Вы себе представить не можете, сколько раз я слышал: «*Ты самый замечательный парень из всех моих знакомых, ты обязательно найдешь себе пару. У меня есть подруги, с которыми я могла бы тебя познакомить…*»

Нелегко быть человеком, который *идеально подходит кому-нибудь другому*. Я часто чувствовал себя несчастным и никак не мог понять, почему женщины утверждают, что хотят романтики, доброты, заинтересованности, умения слушать, а когда им дают все это, совсем не ценят.

Правда, не могу сказать, что в любви мне совсем не везло. На второй год учебы в старших классах у меня появилась девушка по имени Анджела, почти весь первый курс университета со мной была Виктория. А первым летом после окончания университета, в двадцать два года, я познакомился с Эмили.

Эмили до сих пор живет в том же районе, и все эти годы я периодически сталкивался с ней. Она была первой, кого я любил, и поэтому я и теперь нередко думаю о ней. Эмили предпочитала вести богемную жизнь: носила длинные цветастые юбки и сандалии, почти не красилась и специализировалась на изобразительных искусствах, в основном на живописи. Она была красива – каштановые волосы и глаза орехового оттенка с золотистыми крапинками. Но привлекала не только внешностью. Она обладала остроумием, добротой к окружающим и высоким интеллектом. А меня всегда тянуло к умным женщинам. Мои родители ее обожали, Мардж ее любила, и даже молчание с ней становилось уютным. Наши отношения отличали легкость и непринужденность: мы были скорее друзьями, чем любовниками. С Эмили мы могли говорить о чем угодно, ей доставляли удовольствие записки, которые я прятал под ее подушку, и цветы, которые отправлял к ней на работу без всякого повода. Она любила меня так же сильно, как и я ее. После двух лет отношений я собирался сделать ей предложение и даже копил деньги на кольцо в честь помолвки.

А потом я все испортил. Не спрашивайте почему. Я мог бы свалить всю вину на выпивку, и действительно в тот раз напился с друзьями в баре, но, как бы там ни было, у меня завязался разговор с некой Карли. Она была красива, умело флиртовала и недавно рассталась с парнем, с которым встречалась довольно долго. За одним стаканом последовал другой, флирт продолжался, и в конце концов мы оказались в постели. Утром Карли ясно дала понять: все, что случилось, – ничего не значит, и хотя поцеловала меня на прощание, номер телефона оставить не удосужилась.

Существует пара элементарных Мужских правил на случай подобных ситуаций. Правило номер один гласит: «*Не вздумай сознаться*». А если твоя любимая что-то заподозрит и спросит напрямую, немедленно следуй правилу номер два: «*Отрицай, отрицай и еще раз отрицай*».

Всем мужчинам известны эти правила, но дело в том, что меня мучила совесть. Страшно мучила. Прошел месяц, а я никак не мог забыть тот случай и простить его себе. Хранить его в тайне казалось невозможным, я представить себе не мог, как буду продолжать отношения с Эмили, зная, что они отчасти построены на лжи. Я во всем сознался Мардж, и она, как всегда, по-сестрински помогла мне.

– Закрой пасть, кретин. Ты совершил глупость, теперь чувствуешь вину – так тебе и надо. Но если повторять не собираешься, тогда не смей ранить чувства Эмили. Эта новость уничтожит ее.

Я понимал, что Мардж права, но…

Мне необходимо было прощение Эмили, поскольку я сомневался, что без него сумею простить сам себя, так что я отправился к Эмили и произнес слова, о которых до сих пор жалею.

– Мне надо кое-что тебе рассказать, – начал я и выложил все.

Первая цель заключалась в прощении, и я ее не достиг. Второй целью было строительство длительных отношений на фундаменте правды, но и тут ничего не вышло. В гневе и слезах Эмили выбежала из комнаты, прокричав, что ей нужно время подумать.

Я оставил ее в покое на неделю, в ожидании ее звонка вылизывал свою квартиру, но телефон так и не зазвонил. На следующей неделе я оставил ей два сообщения, оба с извинениями, но она все равно не перезвонила. Лишь через неделю мы встретились за обедом, но он прошел напряженно. Эмили попросила меня не провожать ее до машины. Знак был зловещим, и через несколько дней она оставила сообщение: «*Между нами все кончено*». От этого удара я долго оправлялся.

Со временем мое чувство вины ослабло – время лечит угрызения совести, и я попытался утешиться мыслью, что, по крайней мере, для Эмили моя неосмотрительность стала тем, что называется «нет худа без добра». От друзей я слышал, что через несколько лет после нашего разрыва Эмили вышла за какого-то австралийца, а когда я мельком видел ее, мне всегда казалось, что судьба к ней благосклонна. Я твердил себе, что должен радоваться за нее. Эмили больше, чем кто-либо, заслуживала счастливой жизни, и Мардж считала так же. Даже после женитьбы на Вивиан моя сестра порой говорила мне в сердцах: «Вот Эмили была что надо! Ну как ты мог так облажаться?»

Я родился в Шарлотте, Северная Каролина, и если не считать единственного года, проведенного в другом городе, прожил там всю свою жизнь. Даже теперь мне не верится, что мы с Вивиан познакомились здесь или встретились вообще. Ведь она, как и я, родом с Юга: как и меня, ее полностью поглощала работа, и она редко где-нибудь бывала. Так какой же была вероятность моей встречи с Вивиан на вечеринке на Манхэттене?

В то время я работал во вспомогательном офисе компании в Мидтауне: звучало это гораздо интереснее, чем было на самом деле. Джесси Питерс придерживался мнения, что каждый, кто считался хоть сколько-нибудь перспективным в офисе в Шарлотте, должен поработать немного на Севере, – хотя бы потому, что часть наших клиентов составляли банки, а головной офис каждого банка находился в Нью-Йорке. Вы наверняка видели рекламные ролики из тех, над которыми я работал. Я считаю их продуманными и серьезными, отражающими цельность натуры. Кстати, идея первого из этих роликов родилась, когда я жил в тесной студии на Западной Семьдесят седьмой улице между авеню Коламбус и Амстердам и пытался смириться с величиной баланса моего текущего счета, средств на котором едва хватало, чтобы разжиться фастфудом в ближайшей забегаловке.

В мае 2006 года президент одного из банков, которому понравилась моя концепция, устраивал благотворительную акцию в пользу МоМА[1]. Этот президент всерьез увлекался искусством, о котором я не имел никакого представления, и хотя мероприятию предполагалось быть эксклюзивным и официальным, меня туда не тянуло. Но его банк являлся нашим клиентом, а Питерс управлял в стиле «делай что сказали, а то пожалеешь», и мне ничего не оставалось.

[1] Музей современного искусства. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

О том, как прошли первые полчаса, я почти ничего не помню, кроме одного: я очутился явно не в своей тарелке. Большая часть присутствующих годились мне в деды, практически все вращались в сферах, в которых уровень дохода не входил ни в какое сравнение с моим. В какой-то момент я обнаружил, что прислушиваюсь к разговору двух седовласых джентльменов, обсуждающих достоинства G-IV и Фалькон 2000. До меня не сразу дошло, что они сравнивают свои самолеты.

В другом углу зала я увидел босса Вивиан. Я знал его по ночным передачам по телевизору. Вивиан позднее объяснила, что он считает себя коллекционером предметов искусства. При этом она сморщила нос, давая понять, что деньги у босса есть, а вкуса нет, что меня не удивило. Его шоу посещали именитые гости, но его коронным шуткам впору было определение «плоские».

Вивиан стояла за спиной босса, вне пределов моей видимости, но, когда он шагнул вперед, чтобы поздороваться с кем-то, я ее увидел. Темные волосы, безупречная кожа, скулы, о которых супермодели могут лишь мечтать, – такой красивой женщины я еще никогда не видел.

Поначалу я думал, что она встречается со своим боссом, но чем дольше я наблюдал за ними, тем больше убеждался: это не так, она просто работает на него. Вдобавок она не носила кольца – еще один хороший знак… но на что я надеялся?

Однако романтик во мне все еще жил, и когда она направилась к бару за коктейлем, я двинулся за ней и тоже подсел к стойке. Вблизи она оказалась еще красивее.

– Так это вы! – воскликнул я.

– Что, простите?..

– Это вас представляют художники «Диснея», когда рисуют глаза своим принцессам.

Да, комплимент так себе. Дурацкий, даже, пожалуй, пошловатый, и в наступившей неловкой паузе я понял, что сглупил. Но она засмеялась.

– Такого от пикаперов я еще не слышала!

– Не для каждой подойдет, – объяснил я. – Я Расселл Грин.

Она, кажется, развеселилась.

– А я – Вивиан Гамильтон.

Я чуть не ахнул.

Ее звали *Вивиан*.

Как героиню Джулии Робертс в «Красотке».

Как вообще человек может понять, что другой ему *подходит*? Какие сигналы этому способствуют? Чтобы встретить человека и сразу подумать: «*Вот с кем я хочу провести остаток своих дней*». Как мне могло показаться, что Эмили и Вивиан мне подходят, если они разные, как день и ночь? И если отношения с ними абсолютно разные?

Не знаю, но, когда я думаю о Вивиан, мне сразу вспоминается дурманящая страсть первых вечеров, которые мы провели вместе. Если нам с Эмили было тепло и уютно, то с Вивиан мы жарко пылали почти с самого начала отношений. С каждой встречей, с каждым разговором во мне росло убеждение: мы нашли друг в друге именно то, что искали.

Как типичный «женатик», я уже начинал фантазировать, представляя себе нашу совместную жизнь, которую пламенная страсть не покинет никогда. Не прошло и пары месяцев, как я понял, что хочу жениться на Вивиан, хотя пока не говорил ей об этом. Вивиан понадобилось больше времени, чтобы принять такое же решение в отношении меня, но через полгода после нашего знакомства у нас с Вивиан уже *все было серьезно*, и мы прощупывали почву, обсуждая наши взгляды на веру, деньги, политику, семью, отношения с соседями, детей и основополагающие ценности. Как правило, наши взгляды совпадали, и я, почерпнув идею из очередной мелодрамы, сделал предложение на смотровой площадке на крыше Эмпайр-стейт-билдинг в День святого Валентина, за неделю до моего возвращения домой, в Шарлотт.

Мне *казалось*, я знал, к чему стремлюсь, когда вставал на одно колено. Оглядываясь назад, я понимаю, что Вивиан *знала* наверняка – не только то, что я именно тот человек, которого она хотела видеть рядом с собой, но и тот, в ком она *нуждалась.* Семнадцатого ноября 2007 года мы в присутствии друзей и родных связали себя узами брака.

* * *

Вам, наверное, не терпится узнать, что же произошло дальше.

Как у каждой супружеской пары, у нас были свои взлеты и падения, свои испытания и шансы. А когда страсти немного улеглись, я пришел к убеждению, что брак, по крайней мере теоретически, штука замечательная.

Но с практической точки зрения я, пожалуй, выбрал бы более точное определение – «*заковыристая*».

В конечном счете брак никогда не бывает таким, каким рисует его воображение. Одна половина моего «я», романтическая, всю эту затею наверняка представляла чем-то вроде длинного рекламного ролика открыток «Холлмарк» – с розами и свечами в мягком фокусе, неким измерением, в котором любовь и доверие преодолеют любые испытания. Более практичная половина моего «я» знала: чтобы остаться парой надолго, понадобятся старания обоих. Для этого потребуются ответственность и искренность, компромиссы и смелость в принятии решений. Все потому, что жизни свойственно подкидывать нам крученые мячи именно с тех сторон, с которых мы меньше всего ожидаем их получить. В идеале эти крученые мячи пролетают мимо, почти не причиняя семье ущерба, но бывает и так, что совместное отражение этих хитроумных подач помогает супругам сплотиться.

А иногда крученые мячи со всего размаха ударяют нас в грудь, чуть ли не в сердце, оставляя раны, которые, по-видимому, не заживают никогда.

Глава 3
И что потом?

Быть единственным кормильцем семьи оказалось нелегко. К концу недели я часто был вымотан, но один вечер пятницы мне запомнился особенно. На следующий день Лондон исполнялся год, а я весь день работал как проклятый над циклом видеоматериалов к распродажам в «Спаннермен недвижимость», одного из крупнейших застройщиков юго-востока страны, а эти видео были задуманы как часть масштабной стратегии быстрого продвижения. Наша компания получила за все свои труды маленькое состояние, поэтому руководство «Спаннермена» придиралось по любому поводу. Жесткие сроки исполнения были установлены для каждого этапа работы над проектом; еще более жесткими они стали по милости самого Спаннермена, капитал которого оценивался в два миллиарда долларов. Каждое изменение требовалось согласовывать с ним лично, и у меня создалось впечатление, что он решил максимально усложнить мне жизнь. В том, что он невзлюбил меня, я нисколько не сомневался. Он был из тех, кто вечно окружает себя красотками – большую часть руководства компании составляли привлекательные женщины, – и само собой разумеющимся считалось то, что Спаннермен и Джесси Питерс прекрасно ладят. Я же, напротив, терпеть не мог ни эту компанию, ни ее хозяина. Он был известен умением ловчить, изворачиваться, особенно когда дело касалось природоохранных законов. В газетах часто появлялись разгромные материалы, в которых ругали и компанию, и ее владельца. Отчасти именно поэтому они обратились в наше агентство – им требовался основательный ребрендинг.

Большую часть того года я посвятил изнурительной работе над заказом Спаннермена, и он стал, безусловно, самым тяжелым в моей жизни. На работу я шел как на каторгу, но, учитывая приятельские отношения между Питерсом и Спаннерменом, держал свое мнение при себе. В конце концов заказ передали другому сотруднику агентства: Спаннермен решил, что над ним должна работать женщина, чем никого не удивил, а я вздохнул с облегчением. Если бы мне пришлось и дальше заниматься тем же заказом, я бы, наверное, не выдержал и уволился.

Джесси Питерс считал бонусы эффективным средством мотивации подчиненных. Несмотря на непрекращающийся стресс, связанный с заказом Спаннермена, я тем не менее ухитрялся получать по максимуму. Иначе я просто не мог. Я всегда чувствовал себя неуютно, если мне было нечего положить на наш сберегательный или инвестиционный счет, а бонусы помогали сохранять нулевым баланс наших кредиток. Вместо того чтобы сократиться, наши ежемесячные расходы выросли, хотя Вивиан и обещала экономить, отправляясь «по делам» – так она начала называть шопинг. Вивиан была не способна зайти в «Таргет» или «Уолмарт» и не потратить как минимум пару сотен долларов, даже если забегала туда за стиральным порошком. Этого я не мог понять и лишь предполагал, что таким образом она пытается заполнить душевную пустоту. А когда я сильно уставал, раздражался и начинал думать, что меня используют. Но попытки обсудить эту проблему с Вивиан зачастую приводили к ссорам. И даже если этого удавалось избежать, все оставалось по-прежнему. Она всегда уверяла меня, что покупает лишь самое необходимое и мне повезло, так как она как раз попала на скидки и воспользовалась ими.

Но вечером той пятницы эти тревоги казались далекими. Я вошел в гостиную, увидел Лондон в манеже, и она одарила меня улыбкой, которая каждый раз заставляла меня умиляться. Вивиан, красивая, как всегда, сидела на диване, листая какой-то журнал по интерьеру и саду. Я поцеловал сначала Лондон, затем Вивиан, и меня окутали ароматы детской присыпки и духов.

Мы поужинали, рассказывая друг другу, как прошел день, а потом приступили к ритуалу подготовки Лондон ко сну. Сначала Вивиан купала и одевала малышку в пижамку, потом я читал ей, как следует укрывал одеялом, и через несколько минут она крепко засыпала.

После я налил себе вина, заметив, что бутылка почти пуста: Вивиан пила скорее всего уже второй бокал. Если первый бокал означал – «шалости» вполне возможны, то второй делал их вполне вероятными, поэтому, несмотря на усталость, я воспрянул духом.

Когда я сел рядом с Вивиан, она по-прежнему листала журнал. Спустя некоторое время она спросила:

– Как тебе эта кухня?

Кухня на снимке была обставлена кремовыми тумбами под столешницами из гранита кофейного оттенка, та же гамма повторялась в отделке навесных шкафчиков. Стол-островок посреди кухни в окружении сияющей ультрасовременной техники – словом, мечта жителя пригорода.

– Роскошно, – признал я.

– Правда? Все в этой кухне – высший класс. А в освещение я влюбилась. Люстра умопомрачительная!

На освещение я поначалу не обратил внимания и наклонился, чтобы рассмотреть.

– Ого! Да, это что-то.

– В статье сказано, что модернизация кухни почти всегда увеличивает стоимость дома. Если мы когда-нибудь решим продать его.

– Зачем нам его продавать? Мне он нравится.

– Я же не говорю, что надо продать его прямо сейчас. Но не будем же мы жить здесь вечно.

Странно, мне никогда в голову не приходило, что у нас когда-нибудь появится другой дом. Ведь мои родители до сих пор жили в доме, где я вырос. Но Вивиан хотелось поговорить не об этом.

– Пожалуй, насчет увеличения стоимости ты права, – кивнул я, – но не уверен, что сейчас мы можем позволить себе заново обставить кухню.

– У нас же есть сбережения.

– Да, но это на черный день.

– Ладно, – вздохнула она, и я отчетливо различил разочарование в ее голосе. – Я же просто так спросила.

Я смотрел, как она осторожно загибает уголок страницы, чтобы потом найти эту фотографию, и чувствовал себя проигравшим. Я терпеть не мог обманывать ее ожидания.

* * *

Жизнь неработающей мамы устраивала Вивиан.

Даже после рождения Лондон она по-прежнему выглядела лет на десять моложе, и, когда заказывала коктейль, у нее иногда спрашивали документы. Время щадило Вивиан, но это было не самое удивительное в ней. Она всегда казалась мне зрелой и уверенной в себе, в своих мыслях и мнениях, и в отличие от меня ей всегда хватало смелости говорить то, что она думала. Если ей чего-нибудь хотелось, она заявляла об этом прямо; если ее что-то беспокоило, она никогда не держала эти чувства в себе, даже когда знала, что ее слова могут меня расстроить. Умение оставаться самим собой, не боясь, что окружающие тебя отвергнут, я уважал хотя бы потому, что сам к этому стремился.

Вместе с тем Вивиан была сильной натурой. Перед лицом трудностей она не ныла и не жаловалась – наоборот, превращалась в стоика. За все годы я видел ее плачущей лишь однажды – когда умер Харви, ее кот. В то время она была беременна Лондон, а Харви жил у нее со второго курса, но, несмотря на гормональные всплески, смерть любимца не вызвала у нее истерики. По щекам скатилась лишь пара слезинок.

Можно расценивать как угодно тот факт, что Вивиан не склонна к плаксивости, но плакать ей, в сущности, было не о чем. До сих пор беды обходили нас стороной, а серьезным поводом для расстройства можно было считать лишь то, что Вивиан не удавалось забеременеть во второй раз. Мы начали предпринимать попытки, когда Лондон исполнилось полтора года, но все было безуспешно, и хотя я уже был готов обратиться к специалисту, Вивиан, казалось, хотела, чтобы все шло своим чередом.

Но несмотря на отсутствие второго ребенка, я считал, что мне повезло жениться на Вивиан – отчасти потому, что у нас есть дочь. С ролью матери одни женщины справляются лучше, другие хуже, для Вивиан она была естественной. Она являлась образцом терпения, ответственности и любви, ее не смущали ни понос, ни рвота. Вивиан читала Лондон сотни книг, часами играла с ней, вдвоем они ходили в парки и в библиотеку. Находились у них и другие дела: прогулки с соседскими детьми, подготовка к школе, плановые осмотры у педиатра или дантиста, а это значило, что они всегда были чем-то заняты. Но когда я вспоминаю первые годы жизни Лондон, чаще всего в памяти всплывает выражение безграничной радости на лице Вивиан, держащей малышку за руку или наблюдающей, как она постепенно познает окружающий мир. Однажды восьмимесячная Лондон, сидевшая на высоком стульчике, чихнула. Почему-то ей это показалось забавным, и она рассмеялась. Я сделал вид, что чихаю, и Лондон залилась безудержным смехом. Но если меня этот случай просто умилил, то Вивиан усматривала в нем нечто *большее*. Любовь к нашей дочери затмевала для нее все, даже любовь ко мне.

Всепоглощающая сущность материнства, или, во всяком случае, то, что понимала под ним Вивиан, не только дала мне возможность сосредоточиться на карьере, но и означала, что мне редко приходилось самому заботиться о Лондон, поэтому я понятия не имел, какого труда это требует. Казалось, Вивиан это дается легко, но со временем она начала раздражаться. Обычные домашние заботы отступили на второй план, и я, возвращаясь домой, нередко видел, что вся гостиная завалена игрушками, а в кухонной раковине высится гора грязной посуды. Грязное белье копилось, ковры требовали чистки. И поскольку я всегда терпеть не мог беспорядка в доме, то решил нанять кого-нибудь, кто приходил бы дважды в неделю делать уборку. Когда Лондон начала ходить, я нашел няню, которая три раза в неделю давала Вивиан возможность отдохнуть днем, и сам начал заниматься дочерью утром по субботам, чтобы у Вивиан появилось «личное время». Я надеялся, что у нее будут силы для нас как пары. С моей точки зрения, жена привыкла воспринимать себя как мать, а нас троих – как семью, но роль супруги постепенно стала обременять ее.

Большую часть времени я не тревожился о наших отношениях. Я считал, что мы живем, как большинство супружеских пар с маленькими детьми. Вечерами мы обычно говорили о *житейском*: о детях, работе и семье, что бы съесть и куда бы съездить на выходные, когда везти машину на техосмотр. И я далеко не всегда чувствовал себя задвинутым на задний план; мы с Вивиан начали приберегать вечера пятницы для свиданий. Даже на работе знали о наших свиданиях, поэтому, если в моем присутствии не было острой необходимости, по пятницам я уходил из офиса сравнительно рано, по пути домой слушая в машине музыку, и, едва шагнув через порог, одаривал домашних улыбкой. Пока Вивиан прихорашивалась, я общался с Лондон, а потом, когда она засыпала, для нас с Вивиан снова наступала пора первых свиданий.

Вивиан подбадривала и смешила меня, когда работа становилась особенно напряженной. В тридцать три года я подумывал сменить свою *респектабельную* гибридную машину на «Мустанг GT», хотя этот обмен и не сказался бы заметно на конечной цене. Но на тот момент это не имело значения. Услышав во время тест-драйва утробный рык мотора, я понял: эту машину будут провожать завистливыми взглядами повсюду, куда бы я ни поехал. Продавец умело сыграл на моем тщеславии, а когда позднее я поделился с Вивиан впечатлениями, она не стала дразнить меня, заявлять, что я еще слишком молод для причуд среднего возраста, или выражать беспокойство о том, что мне захотелось другой жизни. Вместо этого она не мешала

мне предаваться фантазиям, а когда я наконец одумался, то купил практически ту же машину: очередной четырехдверный гибрид с вместительным багажником и превосходным уровнем безопасности, согласно «Отчетам для потребителей». И ни разу не пожалел об этом.

Ну, может, и пожалел, но не об этом речь.

И при всем этом я *любил* Вивиан и ни разу, ни на шаг не отступил от убежденности, что хочу быть с ней всю жизнь. В своем желании доказать это я подолгу и старательно обдумывал подарки для нее на Рождество, годовщины, дни рождения, а также на День святого Валентина и на День матери. Я присылал ей цветы без всякого повода, прятал записки под ее подушку, убегая на работу, иногда радовал ее завтраком в постель. Поначалу она ценила эти жесты, со временем они утратили новизну и очарование. И я ломал голову, пытаясь придумать, чем бы еще удивить ее и дать понять, как много она по-прежнему значит для меня.

В конце концов Вивиан получила ту самую кухню, которую хотела, – как на снимке в журнале.

Вивиан собиралась вновь устроиться на работу, как только Лондон пойдет учиться, – на неполный день, чтобы проводить достаточно времени дома. Она твердила, что у нее нет желания становиться одной из мамаш, которые вечно вызываются наводить порядок в классе или украшать школьный кафетерий к праздникам. Не хотелось ей и торчать в доме, где днем обычно пусто: Вивиан была не только прекрасной матерью. Она с отличием окончила Джорджтаунский университет и, до того, как стала матерью и домохозяйкой, успешно занималась связями с общественностью не только ведущего ток-шоу в Нью-Йорке, но и медиакомпании, где трудилась перед тем, как родилась Лондон.

Я же со своей стороны не только добивался получения всех возможных бонусов с тех пор, как начал работать в агентстве, но и вырос в должности и к 2014 году уже руководил крупнейшими заказами нашей компании. К тому времени мы с Вивиан были женаты семь лет, Лондон недавно исполнилось пять, а мне – тридцать четыре года. Мы не только заново обставили кухню в нашем доме, но и строили планы по ремонту и отделке спальни. Фондовый рынок благоволил к нашим инвестициям, особенно к «Эппл», нашему крупнейшему капиталовложению, и, за исключением ипотеки, долгов у нас не имелось. Я боготворил свою жену и ребенка, мои родители жили поблизости, моя сестра и Лиз были моими лучшими друзьями. Жизнь казалась сказкой.

Но в глубине души я понимал, что это ложь.

В компании сложилась ситуация, в которой никто из подчиненных Джесси Питерса не был уверен в том, что удержится на рабочем месте, и потому не чувствовал себя комфортно. Питерс основал рекламное агентство двадцать лет назад; с филиалами в Шарлотте, Атланте, Тампе, Нашвилле и Нью-Йорке, оно, бесспорно, было крупнейшим из расположенных на Юго-Востоке. Голубоглазый, поседевший чуть ли не в двадцать лет, Питерс славился изворотливостью и жестокостью; от конкурентов он избавлялся, либо переманивая их клиентов, либо снижая цены, а если эти стратегии оказывались неэффективными, он просто выкупал конкурирующие компании. Благодаря успехам его и без того внушительное самомнение разрослось и достигло масштабов мании величия, а его стиль управления полностью соответствовал особенностям его характера. Он был на все сто уверен в своей правоте, выделял любимчиков из числа подчиненных, стравливал начальников отделов и тем самым умело держал в напряжении всех и каждого. Он поощрял атмосферу, в которой сотрудники только и делали, что пытались требовать больше признания, чем заслуживали, сваливая любые недочеты и ошибки на конкурентов. Словом, это был социальный дарвинизм в особо жестокой форме, в условиях которого лишь у немногих избранных имелся шанс на выживание.

К счастью, на протяжении более чем десяти лет меня чаще всего обходили стороной интриги, которые не раз становились причиной нервных срывов руководящего персонала ком-

пании: поначалу поводом было мое скромное положение, а позднее – то, что я приводил клиентов, которые ценили мою работу и платили компании соответственно. Со временем я убедил сам себя, что поскольку приношу Питерсу кучу денег, он считает меня слишком ценным сотрудником, чтобы изводить. Ведь Питерс и впрямь был не настолько суров со мной, как с остальными. Если со мной он останавливался поболтать, случайно столкнувшись в коридоре, то другие начальники отделов, в том числе обладающие боґльшим опытом, чем я, нередко истерзанные выползали из кабинета Питерса. Наблюдая за ними, я испытывал облегчение и, пожалуй, толику самоуважения, радуясь, что со мной ничего подобного не случается.

Но в своих предположениях я ошибался буквально во всем. Мое первое крупное повышение совпало по времени с моей женитьбой на Вивиан, второе произошло через две недели после того, как Вивиан заехала ко мне в офис, чтобы оставить машину после поездки за покупками: этот визит мог обернуться катастрофой, но в тот раз мой босс сначала составил нам компанию у меня в кабинете, а потом повез нас обедать. Третьего повышения я дождался меньше чем через неделю после того, как Питерс и Вивиан проговорили три часа подряд на званом ужине, устроенном одним из клиентов. Лишь по прошествии времени стало ясно, что результативностью моей работы Питерс интересовался гораздо меньше, чем Вивиан. Именно эта простая истина на протяжении всего времени моей работы объясняла, почему он не отыгрывался на мне. Надо отметить, что Вивиан поразительно похожа на обеих бывших жен Питерса, и я подозревал, что ему ни о чем не мечтается так, как проводить с ней время или, если представится случай, жениться в третий раз, не поступившись моим браком.

Я не шучу. И не преувеличиваю. Всякий раз, разговаривая со мной, Питерс не упускал возможности спросить, как дела у Вивиан, сделать комплимент ее красоте, осведомиться, чем *мы* занимаемся. На ужинах с клиентами – то есть три или четыре раза в год – Питерс неизменно находил способ сесть рядом с моей женой, и на каждом рождественском корпоративе можно было увидеть, как они беседуют где-нибудь в уголке. Наверное, я смотрел бы на все это сквозь пальцы, если бы не реакция Вивиан на явную привлекательность Питерса. Она ничем не поощряла его к ней отношения, но и не пыталась *осадить*, а принимала знаки внимания. Каким бы кошмарным боссом ни был Питерс, он умел обходиться с женщинами, особенно с такими красивыми, как Вивиан. Он слушал, и смеялся, и делал тонкие комплименты в нужный момент, и, поскольку вместе с тем он был богат, как Мидас, я думал: вполне возможно, что Вивиан льстит его интерес. Она воспринимала его как должное. Мальчишки соперничали за ее внимание с начальных классов школы, и она к этому привыкла. Ей не нравилось другое – то, что иногда это внимание вызывало у меня ревность.

В декабре 2014 года, за месяц до начала самого злополучного года моей жизни, мы готовились к ежегодному рождественскому корпоративу нашего агентства. Когда я признался, что сложившееся положение меня тревожит, она тяжко вздохнула.

– Не бери в голову, – сказала она.

Я был в недоумении, почему моя жена ни во что не ставит мои чувства.

Перемотаем пленку чуть дальше в наше с Вивиан прошлое.

Материнство стало для Вивиан наградой, но брак со мной отчасти утратил свое очарование. Помню, я часто размышлял, как изменилась Вивиан за годы, которые мы прожили вместе, а в последнее время осознал: она не менялась, а эволюционировала, в большей мере проявлялись качества человека, которым она была с самого начала и которого мало-помалу я начал воспринимать как чужого.

Эти изменения были едва заметны. В первый год жизни Лондон я мирился с переменчивостью настроений и раздражительностью Вивиан как с нормальным явлением, чем-то само собой разумеющимися, с этапом, который в конце концов завершится. Постепенно я привык к нему, не реагировал даже на пренебрежение со стороны жены. Но этот этап все не кончался.

В последующие несколько лет Вивиан все чаще злилась и раздражалась и относилась к моим заботам все презрительнее. Зачастую ее злили даже мелочи, она швырялась оскорблениями, которые мне и в голову бы не пришло произнести даже шепотом. Ее агрессия была стремительной и точной, обычно направленной на то, чтобы вынудить меня извиниться и пойти на попятную. Я не выносил конфликтов и, как бы сильно ни был оскорблен, почти всегда отступал, стоило ей только повысить голос.

Последствия вспышек ее гнева обычно оказывались еще страшнее, чем сами вспышки и нападки. Казалось, заслужить прощение невозможно, и вместо того, чтобы выяснить отношения или просто предать ссору забвению, Вивиан уклонялась от разговоров. Она или не говорила со мной вообще, или на протяжении нескольких дней отвечала на любые вопросы сухо и односложно. Все ее внимание доставалось Лондон, а уложив ее, Вивиан сразу же уходила в спальню, оставляя меня сидеть в гостиной в одиночестве. В такие дни она буквально излучала презрение, заставляя невольно задумываться, любит ли она меня еще или нет.

В ее поведении присутствовал элемент непредсказуемости, правила внезапно менялись. Вивиан становилась то прямолинейной и откровенной в своем гневе, то пассивно-агрессивной – по настроению. Требования, которые она предъявляла ко мне, постепенно теряли четкость, и в половине случаев я понятия не имел, что надо делать и чего не надо, когда пытался осмыслить случившееся и разобраться, чем именно я разозлил ее. Однако она не только не объясняла мне, но и отрицала наличие проблемы или же обвиняла меня в чрезмерно бурной реакции. Очень часто у меня возникало ощущение, будто я иду по минному полю, рискуя и собственным эмоциональным состоянием, и нашим браком… и вдруг по причинам, которые опять-таки оставались для меня загадкой, наши отношения вновь становились *нормальными*. Вивиан спрашивала, как прошел мой день, интересовалась, что я хотел бы съесть на ужин, а после того, как Лондон засыпала, мы занимались любовью – знак того, что меня наконец простили. И я вздыхал с облегчением, надеясь, что теперь все пойдет так, как и должно быть.

Вивиан отвергла бы мою версию этих событий, или, по крайней мере, то, как я истолковал их. Отвергла бы со злостью. Или заявила бы, что ее поступки и поведение – реакция на мои действия, добавив, что мои представления о браке оторваны от реальности, медовый месяц не будет длиться всю жизнь, это попросту невозможно. Она утверждала, что я тащу рабочие проблемы домой, что это у меня вечные перепады настроения, что у нее есть возможность сидеть дома, и я часто выплескиваю на нее свою обиду и раздражение.

Но какая бы версия событий ни являлась объективно правильной, в глубине души я больше всего хотел, чтобы Вивиан была счастлива. А точнее – *счастлива со мной*. Ведь я по-прежнему любил жену, мне недоставало ее улыбок и смеха, наших разговоров обо всем и ни о чем и того, как раньше мы держались за руки. Я скучал по той Вивиан, которая заставила меня поверить, что я мужчина, достойный ее любви.

И все равно, за исключением свиданий в пятницу вечером, наши отношения продолжали постепенно эволюционировать и превращаться в то, что я не всегда хотел принимать. Пренебрежение Вивиан начало *ранить* меня. Большую часть этих лет я был разочарован в самом себе за то, что не оправдывал ее ожиданий, и клялся стараться изо всех сил, лишь бы ее порадовать.

А теперь – быстрая перемотка вперед, к вечеру рождественского корпоратива.

– Не бери в голову, – сказала мне Вивиан, и эти слова звенели у меня в ушах, пока я одевался. Они звучали резко, пренебрежительно, без тени сочувствия. Но несмотря на это, вечер запомнился мне прежде всего тем, что Вивиан выглядела эффектнее, чем обычно. Она выбрала черное коктейльное платье, туфли-лодочки и бриллиантовую подвеску, которую я подарил ей на прошлый день рождения. Волосы ниспадали на плечи, и, когда она вышла из ванной, все, что я мог, – смотреть на нее с наслаждением.

– Прекрасно выглядишь, – едва выговорил я.

– Спасибо.

В машине между нами по-прежнему ощущалось напряжение. Мы неловко попытались затеять разговор ни о чем, и когда Вивиан поняла, что тему Питерса я больше поднимать не намерен, то понемногу оттаяла. К моменту прибытия на вечеринку казалось, что мы заключили безмолвное соглашение делать вид, будто моего замечания и ее ответа на него не было.

Тем не менее она прислушалась. Слегка раздраженная, как всегда, Вивиан весь вечер буквально ни на шаг не отходила от меня. Питерс трижды останавливался поболтать с нами и дважды спрашивал Вивиан, не желает ли она что-нибудь выпить – явное предложение составить ему компанию у стойки бара, – но оба раза она качала головой и говорила, что уже сделала заказ официанту. Объяснения звучали вежливо и дружелюбно, и я невольно задумался, не придаю ли я слишком большое значение ситуации с Питерсом. Пусть флиртует с Вивиан сколько угодно, но когда кончится вечеринка, она уедет домой со мной, а разве не это самое главное?

В целом корпоратив прошел не лучше и не хуже всех прочих и быстро стерся из памяти. А когда мы вернулись домой и отпустили приходящую няню, Вивиан попросила налить ей вина и сходить в детскую проведать Лондон. Вернувшись в спальню, я увидел зажженными свечи, сексуальное белье на Вивиан и…

В этом была вся Вивиан: попытки угадать, как она поступит в следующую минуту, чаще всего оказывались бессмысленными. Даже по прошествии семи лет ей удавалось застать меня врасплох, порой удивительно приятным способом.

Грубейшая ошибка.

Именно так я мысленно называю теперь этот вечер, по крайней мере, когда речь идет о моей карьере в рекламном агентстве.

Оказалось, Джесси Питерс недоволен тем, что Вивиан избегает его. И на следующей неделе между нами стал ощущаться холод. Поначалу не явный. Встретившись со мной в коридоре в первый же понедельник после корпоратива, он прошел мимо, кивнув, а во время рабочего совещания через несколько дней задавал вопросы всем, кроме меня. Эти мелкие, но тревожные сигналы продолжались, но поскольку я с головой зарылся в очередную непростую рекламную кампанию – для банка, который требовал, чтобы стержнем кампании была целостность, но с ощущением *новизны*, – задумываться о них я не мог. Потом начались праздники, а поскольку в начале нового года в офисе всегда царила легкая неразбериха, лишь в конце января до меня вдруг дошло, что последние по меньшей мере шесть недель Джесси Питерс со мной почти не разговаривал. Тогда я сам начал заглядывать к нему, но всякий раз его секретарь сообщал, что Питерс или говорит по телефону, или занят. Всю глубину его недовольства мной я осознал только в середине февраля, когда он наконец нашел время встретиться со мной. Точнее, он *вызвал* меня к себе через своего секретаря, а это, в сущности, означало, что выбора у меня нет. Наша компания потеряла крупного клиента, автомобильного дилера с восемью торговыми точками по всей территории Шарлотта, а его заказы обычно вел я. После того как я изложил ему причины, по которым, как мне казалось, клиент предпочел другое агентство, он впился в меня острым взглядом. Еще более зловещим знаком стало то, что он ни словом не упомянул Вивиан. Из его кабинета я вышел, чувствуя себя так, как коллеги, на которых я раньше смотрел свысока, – те самые, вечно балансирующие на грани нервного срыва. У меня вдруг возникло щемящее чувство, что мои дни в «Питерс Груп» сочтены.

Еще труднее было смириться с тем, что тот клиент, автодилер, мужчина лет под семьдесят, ушел не из-за моего просчета или упущения. Я видел и печатные материалы, и видеоролики, сделанные для него нашим агентством, и до сих пор считаю наши идеи креативными и действенными. Но клиенты непостоянны. Спад в экономике, смена руководства и просто желание на время сократить издержки – все приводит к переменам, затрагивающим нашу сферу,

а иногда эти перемены не имеют никакого отношения к бизнесу. В некоторых случаях клиент разводился, и ему требовались деньги для выплаты отступных. Сокращение расходов на рекламу на ближайшие полгода позволяло ему сэкономить шестизначную сумму. На счету каждый цент, поскольку его жена наняла хорошего адвоката. Судебные издержки росли, как и размеры предполагаемых отступных. Клиенту приходилось урезать себя во всем, и Питерс это знал.

Месяц спустя, когда от сотрудничества с нами отказался еще один клиент, сеть клиник неотложной помощи, недовольство Питерса мной стало еще очевиднее. Этот клиент не входил в число крупных – честно говоря, не тянул даже на среднего, – а то, что я с начала года подписал контракты с тремя новыми клиентами, по-видимому, ничего не значило для моего босса. Он снова вызвал меня к себе и заявил, что я, должно быть, «*теряю хватку*» и «*клиенты, наверное, перестают доверять*» мне. Завершая совещание не точкой, а восклицательным знаком, он вызвал к себе Тодда Хенли и объявил, что отныне мы с ним «*работаем вместе*». Хенли считался перспективным сотрудником, проработал в агентстве пять лет, и хотя с фантазией у него было неплохо, что он умел по-настоящему, так это ориентироваться в мутной офисной политике. Я знал, что он нацелился на мою должность – и не он один, но в этой группе Тодд был первым подхалимом. Когда он вдруг начал все чаще пропадать в кабинете Питерса – несомненно, приписывая себе успех каждой рекламной кампании, над которой мы работали вместе, – и выходить оттуда с самодовольной ухмылочкой, я понял: пора строить план отступления.

Мой опыт, должность и нынешняя зарплата практически не оставляли мне выбора. Поскольку Питерс господствовал в рекламной индустрии Шарлотта, мне предстояло раскинуть сети пошире. В Атланте Питерс держался на второй строчке рейтинга и неуклонно расширял сферу влияния, поглощая мелкие агентства и привлекая новых клиентов. Нынешний лидер рынка недавно пережил две смены руководства и теперь временно перестал нанимать персонал. Затем я обратился в компании Вашингтона, Ричмонда и Балтимора, думая, что переезд поближе к родителям Вивиан примирит ее с необходимостью покинуть Шарлотт. Но даже до собеседований дело так и не дошло.

Конечно, имелись и другие возможности. Все зависело от того, насколько далеко я готов уехать из Шарлотта, и я попытал счастья еще в семи или восьми компаниях на Юго-Востоке и Среднем Западе. Но с каждым новым звонком я все отчетливее понимал, что не хочу уезжать. В Шарлотте мои родители, здесь Мардж и Лиз, Шарлотт – мой дом. И тогда идея основания собственного бизнеса, небольшого рекламного агентства-бутика, начала возрождаться из пепла, как мифический феникс. А это, понял я, не что иное как идеальное название…

«*Агентство «Феникс». Небывалый взлет вашего бизнеса*».

Я сразу же представил этот слоган на визитках, в воображении я видел, как беседую с клиентами, и когда заехал к родителям в следующий раз, словно невзначай упомянул о своей идее отцу. Он с ходу заявил, что она неудачная; Вивиан тоже была от нее не в восторге. Я держал жену в курсе своих поисков работы, а когда поделился мыслью о собственном агентстве «Феникс», она предложила попытать удачу в Нью-Йорке и Чикаго – там, куда, по-моему, даже соваться не стоило. Но просто взять и отказаться от мечты я не мог и уже начинал мысленно оценивать все ее плюсы и минусы.

Работая в одиночку, я сумею избежать лишних затрат.

Я близко знаком с высшим руководством всех компаний Шарлотта.

В своем деле я ас.

Поскольку у меня будет компания-бутик, я смогу ограничиться обслуживанием лишь нескольких из них.

Я мог бы запрашивать с клиентов меньше и зарабатывать больше.

Тем временем в офисе я занялся подсчетами и прогнозами. Я обзванивал клиентов, спрашивал, довольны ли они услугами и ценами в «Питерс Груп», и полученные ответы подкрепили мою веру в то, что все получится. А Хенли тем временем старательно топил меня и всякий раз сбрасывал со счетов. Питерс уже начинал срываться на мне.

Тогда я и понял, что Питерс скоро меня уволит, а это значило, что мне ничего другого не остается, кроме как пуститься в одиночное плавание.

Осталось последнее – объявить о своем решении Вивиан.

Что могло быть лучше, чем отпраздновать мой будущий успех на нашем традиционном свидании в пятницу вечером?

Да, я мог выбрать любой другой день, но мне хотелось поделиться своим душевным подъемом с Вивиан. Я ждал поддержки с ее стороны. Мечтал рассказать ей о своих планах и увидеть, как она потянется через стол, возьмет меня за руки и скажет что-нибудь вроде: «*Ты себе представить не можешь, как долго я ждала, что ты наконец решишься! Я нисколько не сомневаюсь, тебя ждет успех. Я всегда верила в тебя*».

Примерно год спустя, когда я признался Мардж, чтоґ надеялся услышать тем вечером, она чуть не лопнула от смеха.

– Так, давай-ка разберемся, – сказала она мне, когда перестала смеяться. – Ты одним махом лишил ее ощущения стабильности, заявив, что собираешься перевернуть всю вашу жизнь, и при этом искренне ждал от нее одобрения и похвалы? Господи, у тебя ведь ребенок. Да еще и ипотека. И другие расходы. Ты что, спятил?

– Но…

– Нет тут никаких «но», – перебила сестра. – Тебе известно, что я далеко не всегда соглашаюсь с Вивиан, но тем вечером она оказалась права.

Может, в словах Мардж и был смысл, но все мы смотрим на ситуацию со своей стороны. А тем вечером, после того, как мы уложили Лондон спать, я приготовил на гриле стейки – в сущности, только их я и умел как следует делать, – пока Вивиан порезала салат, отварила на пару брокколи и обжарила стручковую фасоль с миндальными хлопьями. Кстати, Вивиан никогда не прикасалась к углеводам, которые обычно называют вредными – хлеб, мороженое, паста, сахар и все, что содержит пшеничную муку, – а я считал все это вкусным и ни в чем не отказывал себе за обедом, потому, наверное, и наел заметные бока.

Но ужин с самого начала получился напряженным. Моя попытка вести себя легко и непринужденно лишь насторожила Вивиан, она словно готовилась к тому, что будет дальше. Вивиан всегда легко читала мои мысли, как Моисей – заповеди. Видя ее нарастающее недовольство, я старался развеять его, и от этого она словно каменела.

Я дождался, когда ужин будет подходить к концу. Вивиан съела половину своего стейка, я долил ей вина и завел разговор о Хенли, Питерсе и о том, что меня, кажется, скоро уволят и я хочу открыть свое дело. Она только кивала, поэтому я собрался с духом и принялся излагать свои планы, перечислять все до единой причины такого решения и делать прогнозы. Я не мог не заметить, что она сидит как изваяние. Абсолютно неподвижно, и даже не смотрит на свой бокал с вином. Она так ни о чем и не спросила, даже когда я закончил. Молчание заполнило комнату, эхом отражаясь от стен.

– А ты уверен, что мысль удачная? – наконец произнесла Вивиан.

Это было отнюдь не радостное одобрение, на которое я рассчитывал, но и не взрыв возмущения, и я счел это добрым знаком. Наивный.

– Вообще-то, – признался я, – мне до смерти страшно, но если я не решусь сейчас, то не решусь уже никогда.

– А ты не слишком молод для открытия собственного агентства?

– Мне тридцать пять. Когда Питерс основал свое, ему было всего тридцать.

Она поджала губы, и я услышал ее невысказанное возражение: «Но ты не Питерс». К счастью, она промолчала. Вместо этого Вивиан нахмурилась.

– А ты хоть знаешь, как это – основать собственное агентство?

– Так же, как открыть любую другую компанию, а люди постоянно это делают. В конечном счете все сводится к заполнению необходимых бумаг, поиску хорошего юриста и бухгалтера и обустройству офиса.

– И сколько времени на это понадобится?

– Может, месяц? Но как только у меня появится офис, я сразу же начну подписывать контракты с клиентами.

– Если они решат обратиться к тебе…

– Клиентов я найду, – сказал я. – Об этом я даже не беспокоюсь. Питерс дерет с них втридорога, а с некоторыми из этих клиентов я проработал много лет. Уверен, они перейдут ко мне, как только представится случай.

– И все-таки какое-то время ты не будешь зарабатывать.

– Нам просто придется немного сократить расходы. Например, отказаться от приходящей уборщицы.

– Ты хочешь, чтобы я сама убирала в доме?

– Я помогу, – заверил я.

– Само собой, – отозвалась она. – И где ты возьмешь деньги на бизнес?

– Я думал воспользоваться частью наших инвестиций.

– Наших инвестиций? – переспросила она.

– Денег у нас достаточно, чтобы прожить целый год.

– Год? – Эхом повторила она.

– Даже в случае полного отсутствия доходов, – заверил я. – А этого я не допущу.

Она кивнула.

– Полное отсутствие доходов, значит.

– Понимаю, сейчас нам страшно, но в конце концов мы убедимся, что все было не зря. И твоя жизнь нисколько не изменится.

– Ты хочешь сказать – за исключением того, что мне придется стать твоей прислугой.

– Я вовсе не то хотел…

Она прервала меня:

– Питерс не станет сидеть сложа руки и восхищаться твоей смелостью. А если он поймет, что ты пытаешься переманить у него клиентов, он пойдет на все, лишь бы убрать тебя из бизнеса.

– Пусть только попробует, – заявил я. – В конечном счете все решают деньги.

– У него их больше.

– Я говорю про деньги клиентов.

– А я – про деньги для нашей *семьи*, – парировала она, и ее голос стал резким. – А как же мы? Как же я? И ты рассчитываешь, что я смирюсь? Ведь у нас ребенок!

– И что мне теперь, просто взять и отказаться от своей мечты?

– Не строй из себя мученика. Я этого терпеть не могу.

– Ничего я не строю. Просто пытаюсь обсудить…

– Ничего подобного! – Она повысила голос. – Ты ставишь меня перед фактом, не думая о том, что твое решение не может принести ничего хорошего нашей семье!

Я выдохнул, чтобы голос звучал ровнее.

– Я уже объяснил тебе: Питерс наверняка уволит меня, а другой работы нет.

– А ты пытался поговорить с ним?

– Конечно, пытался.

– Ну да, как же.

– Ты мне не веришь?

– Только отчасти.

– В чем же именно?

Она бросила салфетку на свою тарелку и вскочила.

– В том, что ты намерен поступить так, как считаешь нужным, пусть даже во вред нам и нашему ребенку!

– По-твоему, мне нет дела до нашей семьи?

Но она уже выбежала из-за стола.

В ту ночь я спал в комнате для гостей. И хотя Вивиан сохраняла вежливый тон, односложно отвечая на мои вопросы, в следующие три дня она со мной не разговаривала.

* * *

Как бы Мардж ни поддерживала меня во времена моей юности и как бы усердно ни делилась мудростью, в подростковом возрасте необходимость нянчиться со мной ее раздражала. Она начала часами висеть на телефоне, а мне в итоге приходилось помногу смотреть телевизор. Не скажу за других, но лично я многому из того, что понимаю в рекламе, научился, просто глядя в телевизор и впитывая знания. Я не изучал рекламное дело в университете, меня не консультировали старшие и более опытные коллеги в агентстве, поскольку добрая половина из них с подачи Питерса тратила творческую энергию на попытки препятствовать карьерному росту другой половины. Бросившись в работу, как в омут головой, и не зная, как поступать, я выслушивал пожелания клиентов, нырял за идеями в колодец моих воспоминаний и возвращался с новыми версиями давних рекламных роликов.

Конечно, не все было так просто. Роликами для телевидения реклама не исчерпывается. За годы я успел сгенерировать немало броских слоганов для печатной рекламы и уличных щитов, писал сценарии роликов и информационных материалов, помогал обновлять сайты и разрабатывать конкурентоспособные кампании в социальных сетях, был частью команды, которая определяла степень приоритетности в интернет-поисковиках и в баннерной рекламе, ориентированной на конкретные почтовые индексы, уровень дохода и образования. А для одного клиента я разработал и внедрил кампанию с применением рекламы на кузовах грузовиков. Практически вся эта работа осуществлялась силами разных отделов в офисе Питерса, но в условиях самостоятельной работы мне предстояло самому выполнять все пожелания клиента, и если я знал, что в каких-то областях силен, то в других был определенно слабее, особенно когда доходило до технической стороны вопроса. К счастью, в этой сфере я проработал достаточно долго, чтобы знать подрядчиков, оказывающих услуги, которые могли мне понадобиться, и постепенно наладил с ними контакт.

Я не соврал Вивиан, утверждая, что вопрос привлечения клиентов меня нисколько не тревожит, но, к сожалению, допустил ошибку. Такова ирония судьбы. Я забыл спланировать рекламную кампанию для собственного бизнеса. Мне следовало потратить больше денег на разработку качественного сайта и создание рекламных материалов, которые давали бы понять, какую фирму я намерен создать, а не только то, что я строю ее с нуля. Надо было составить хотя бы несколько хороших рассылок для почты, которые побудили бы клиентов обратиться ко мне.

Но вместо этого весь май я потратил на проработку инфраструктуры, которая способствовала бы моему успеху. Пользуясь днями отпуска, я нанял юриста и бухгалтера и подготовил необходимые учредительные документы. Я арендовал офис с общим администратором в приемной. Закупил часть офисного оборудования, остальное взял в аренду, обеспечил свой офис всеми возможными расходными материалами. Я читал книги о том, как начать свой бизнес, и в каждой подчеркивалась важность капитальных вложений. В середине мая, за две недели до увольнения из компании, я подал заявление об уходе. Если что-то и омрачало мою радость, то это лишь факт, что я недооценил начальные затраты на организацию и запуск в работу, не учтя

обычные расходы по счетам, которые продолжали поступать и требовали оплаты. Бездоходный год, о котором я говорил Вивиан, сократился до девяти месяцев.

Ну и пусть. Наступил июнь, пришло время официально открывать агентство «Феникс». Я разослал клиентам, с которыми работал раньше, письма с перечислением предлагаемых услуг, обещанием значительного сокращения расходов на рекламу и надеждой, что они обратятся ко мне. Я принялся делать звонки и выстраивать расписание потенциальных встреч в ожидании, когда зазвонит телефон.

Глава 4
Лето тревоги моей

В последнее время я пришел к убеждению, что появление в семье ребенка меняет наше ощущение времени, перемешивает прошлое с настоящим, словно миксер. Всякий раз, когда я смотрел на Лондон, прошлое выступало на первый план в моих мыслях, мной завладевали воспоминания.

– Почему ты улыбаешься, папа? – спрашивала Лондон.

– Потому что думаю о тебе, – отвечал я и представлял ее младенцем, спящим у меня на руках, видел ее первую улыбку-откровение и даже то, как она впервые перевернулась в кроватке. Ей было чуть больше пяти месяцев, я дал ей поспать лежа на животе, пока Вивиан ходила на йогу. Когда же Лондон проснулась, я не сразу сообразил, что она лежит уже не на животе, а на спине и улыбается мне.

Бывало, что я вспоминал ее годовалой и словно наяву видел, как осторожно она ползала или училась вставать, держась за стол. Помню, как я вел ее за руку и мы вышагивали туда-сюда по коридору, прежде чем она наконец смогла ходить самостоятельно.

Однако я многое пропустил. К примеру, пропустил ее первое слово, а когда у Лондон выпал первый молочный зуб, меня вообще не было в городе. Я не видел, как она впервые попробовала детское пюре из баночки, но все равно радовался, когда наконец увидел. Ведь для меня это происходило впервые.

Но увы, было и много того, чего я не помню. Когда именно первые робкие шаги Лондон стали уверенной поступью? Как произошел переход от первого слова к способности изъясняться короткими предложениями? Эти моменты постепенных, но неумолимых достижений теперь слились в памяти, и порой кажется: стоило мне только отвернуться на секунду, как я обнаруживал совершенно новую Лондон.

В какой момент изменились ее комната, занятия и игрушки? Представить себе детскую я могу в мельчайших подробностях, вплоть до бордюра в желтых утятах на обоях. Но когда кубики и плюшевые гусеницы перекочевали в ящик, который теперь стоит в углу? Когда в этой комнате появилась первая Барби, как Лондон начала представлять себе ее удивительную жизнь во всех подробностях – до одежды, в которой Барби полагается хозяйничать на кухне? Когда Лондон начала превращаться из «дочурки по имени Лондон» в «Лондон, мою дочь»?

Иной раз я ловлю себя на мысли, что тоскую по младенцу и начинающей ходить малышке, которую я когда-то знал и любил. Теперь ее вытеснила девчушка, которая имеет твердое мнение насчет собственной прически, просит маму разрешить ей накрасить ногти и вскоре начнет проводить боґльшую часть дня в школе под присмотром учительницы, с которой мне еще только предстоит познакомиться. В последнее время у меня возникает желание повернуть время вспять, чтобы как следует прочувствовать первые пять лет жизни Лондон: я приходил бы домой пораньше, чаще играл бы с ней, сидя на полу, с восторгом наблюдал бы вместе с ней за порхающими бабочками. Мне хочется, чтобы Лондон знала, сколько радости она принесла в мою жизнь, хочется объяснить, что я старался ради нее как мог. Чтобы она поняла: хотя мать и была всегда рядом с ней, я любил ее настолько сильно, насколько отец способен любить дочь.

Почему же тогда, задумываюсь я порой, мне кажется, будто этого недостаточно?

Телефон не звонил.

Ни в первую неделю, ни во вторую, ни даже в третью. Я встретился с более чем десятком потенциальных клиентов, все они поначалу заинтересовались моим предложением, но телефон в моем офисе упорно продолжал молчать. Хуже того, месяц уже близился к концу, но ни у кого из них не нашлось времени для новой встречи со мной. А когда я снова пытался связаться с ними, их секретари просили меня больше не звонить.

Питерс.

Его следы были повсюду, и мне уже в который раз вспомнилось предостережение Вивиан: «*Если он поймет, что ты пытаешься переманить у него клиентов, он пойдет на все, лишь бы убрать тебя из бизнеса*».

К началу июля я был подавлен и встревожен. Положение усугубляла недавняя выписка по кредитке. Видимо, Вивиан со всей серьезностью восприняла мои слова о том, что ее жизнь нисколько не изменится, и теперь бегала «*по делам*», словно сорвалась с цепи, а поскольку я уволил уборщицу, в доме постоянно царил хаос. После работы я не меньше часа метался по дому, хватался за стирку, пылесос, уборку на кухне. Меня не покидало ощущение, что Вивиан расценивает мою необходимость заниматься домашними делами – и выписки по кредитке – как своего рода заслуженную кару.

С тех пор, как я занялся собственным бизнесом, наши разговоры стали поверхностными. Я почти не рассказывал о том, как идут дела, она вскользь упомянула однажды, что наводит справки о работе на неполный день. Мы говорили о своих родных и перекидывались ничего не значащими фразами о друзьях и соседях. Но чаще всего разговор сводился к Лондон – эта тема всегда была наиболее безопасной. Мы оба чувствовали, что малейшей обиды или неосторожного слова хватит, чтобы вспыхнула ссора.

Четвертое июля[2] выпало на субботу, и я ни о чем не мечтал так, как расслабиться в этот день и снять стресс. Мне хотелось на время забыть о проблемах с деньгами, счетами и клиентами, игнорирующими мои звонки; хотелось, чтобы умолк тихий голос в моей голове, непрестанно повторяющий, не взять ли мне подработку или не возобновить ли поиск работы в других городах. Чего я хотел, так это на день сбежать из мира взрослых, завершив праздничные выходные романтическим вечером с Вивиан, чтобы возродить чувство, что она по-прежнему верит в меня.

Но праздник праздником, а субботнее утро всегда было «личным временем» Вивиан, и вскоре после пробуждения она ушла на йогу, а оттуда – в тренажерный зал. Я накормил Лондон хлопьями, и мы вдвоем отправились в парк; днем мы втроем побывали на празднике в нашем районе. Для детей были организованы игры, Вивиан болтала с другими мамочками, а я выпил пару бутылок пива в компании папаш. Никого из них я толком не знал. Как и я до недавнего времени, они работали допоздна, и, слушая их рассказы, я постепенно вернулся к мысли о моем финансовом фиаско.

Позднее, когда в небе над бейсбольным стадионом «Боллпарк» расцвели фейерверки, я продолжал ощущать сильное напряжение.

В воскресенье лучше мне не стало.

Я надеялся, что смогу расслабиться, но после завтрака Вивиан объявила, что ей «*надо по делам*» и ее долго не будет дома. Ее тон, небрежный и в то же время вызывающий, ясно свидетельствовал, что она уходит на целый день и готова стоять на своем.

Я не хотел. С недовольством я смотрел, как она садится в свой внедорожник, и размышлял не только о том, как бы продержаться самому, но и чем развлекать все это время Лондон. В этот миг я вспомнил слоган, который придумал в первый год своей карьеры в рекламном агентстве: «*Когда вы в беде и вам нужен хоть кто-нибудь, кто встанет на вашу сторону…*»

[2] День независимости.

Слоган предназначался для адвоката, специализирующегося на делах о нанесении телесных повреждений, и хотя коллегия подвергла его дисциплинарному взысканию и лишила лицензии, этот ролик вызвал приток в нашу фирму местных адвокатов, которым требовались рекламные услуги. За все эти заказы отвечал я, ко мне обращались, когда речь шла о рекламе юридических услуг. В результате Питерс заработал кучу денег. Пару лет спустя в «Шарлотт Обзервер» появилась статья, в которой отмечалось, что агентство «Питерс Груп» снискало в мире рекламы славу «*назойливого адвоката, бегущего за «скорой помощью» с предложением услуг пострадавшему*», и руководителей нескольких банков и агентств недвижимости это сравнение покоробило. Питерс нехотя свернул сотрудничество с частью клиентов, а годы спустя порой сетовал, что его принудили к этому те же банки, которые он без проблем использовал, по крайней мере, когда речь шла о выставлении счетов за рекламные услуги.

Итак, *я в беде, и мне нужен хоть кто-нибудь, кто встанет на мою сторону…* и я принял спонтанное решение навестить своих родителей.

Если и они не встанут на мою сторону, значит, я в беде.

Я с трудом могу представить себе мою маму без фартука. По-моему, она убеждена, что фартук в домашних условиях – такой же обязательный предмет женского гардероба, как бюстгальтер или трусы. Взрослея, мы с Мардж видели ее в фартуке, когда спускались к завтраку; она надевала его сразу же, как только входила в дом после работы, и не снимала еще долгое время после того, как заканчивался ужин и на кухне был наведен порядок. На мои вопросы, зачем ей фартук, она отвечала, что ей нравятся карманы, или что в нем ей теплее, или что она, решив выпить чашку кофе без кофеина, может не опасаться пролить его на одежду.

Лично я считаю, что это просто причуда, однако благодаря ей проще простого выбирать маме подарки на Рождество и день рождения. С годами коллекция фартуков мамы неуклонно растет. У нее есть фартуки всех цветов, длин и фасонов, для всех времен года, фартуки с лозунгами, фартуки, которые мы с Мардж сами шили для нее в детстве, фартуки с именем «Глэдис», написанным на ткани по трафарету, есть даже пара фартуков с кружевом, но мама считает их слишком кокетливыми и потому не носит. Мне точно известно, что на чердаке аккуратно сложенными фартуками заполнено семь коробок, и еще два кухонных шкафчика целиком отданы под мамину коллекцию. Для нас с Мардж всегда было загадкой, как мама выбирает, какой фартук надеть сегодня, или как находит тот, что искала среди всех остальных.

Своей привычке носить фартук она не изменила и после того, как вышла на пенсию. Мама работала не потому, что любила свою работу, а потому, что семье требовались деньги. И как только отошла от дел, сразу же вступила в клуб садоводов, занялась волонтерской деятельностью в центре для пожилых людей и активно участвовала в работе общества «Красная шляпа»[3]. Как и у Вивиан и Лондон, у мамы, видимо, был спланирован каждый день недели, она занималась тем, что доставляло ей удовольствие, и у меня сложилось отчетливое впечатление, что в последние несколько лет ее фартуки стали ярче. Простые и скучные фартуки лежали теперь на дне ящика, а сверху были разноцветные, в цветах, птичках и с надписями вроде «На пенсии: молода сердцем, а в остальных местах – постарше».

Когда мы с Лондон приехали к родителям, на маме был фартук в красно-синюю клетку – я невольно отметил, что на нем нет карманов. Ее лицо осветилось при виде моей дочери. С годами она все меньше напоминает маму, которую я знал раньше, и все больше – бабушку, которую Норман Рокуэлл изобразил бы для обложки «Сатердей ивнинг пост». Мама розовощекая, уютная и мягкая, и потому без слов ясно, что Лондон тоже счастлива видеть ее.

---

[3] От *англ.* Red Hat Society – основанная в 1998 г. международная социальная организация, ранее объединявшая женщин старше пятидесяти лет, а теперь открытая для всех возрастов. Название навеяно стихами Дженни Джозеф «Когда постарею, носить буду красную шляпу».

Поездка удалась, к тому же Лиз с Мардж были у родителей в гостях. После кратких приветствий с объятиями и поцелуями внимание всех присутствующих было безраздельно отдано моей дочери, а я словно стал невидимкой. Лиз подхватила Лондон на руки, едва она вбежала в дом, а Лондон все это время не переставая тараторила. Мардж и Лиз внимали каждому ее слову, а когда я уловил в этой скороговорке упоминание о «*кексиках*», то понял, что Лондон как минимум пару часов будет не до меня. Она обожала что-нибудь выпекать – как ни странно, ведь в этом занятии с неизбежно рассыпанной мукой и сахаром Вивиан не находила ничего приятного.

– Как прошел День независимости? – спросил я у мамы. – Ходили с папой смотреть фейерверки?

– Нет, остались дома, – ответила она. – Слишком уж много повсюду народу и машин. А вы как отпраздновали?

– Как обычно. Сначала сходили на праздник в нашем районе, потом на бейсбольный стадион.

– И мы тоже! – подхватила Лиз. – Надо было пойти вместе. Мы могли бы договориться заранее.

– Извини, не додумался.

– Тебе понравился фейерверк, Лондон? – поинтересовалась Мардж.

– Очень-очень, просто супер! Только было ужасно громко!

– Да уж.

– А теперь мы будем печь кексики?

– Конечно, милая.

Как ни странно, мама не составила им компанию – вместо этого она задержалась со мной, а когда остальные скрылись в кухне, расправила перед своего фартука. Как делала всегда, когда нервничала.

– У тебя все в порядке, мама?

– Ты должен с ним поговорить. Ему надо к врачу.

– Почему? Что случилось?

– Боюсь, что у него рак.

Насчет рака мама всегда высказывается с полной определенностью, называя его не болезнью и даже не онкологией, а раком. Сама мысль о раке приводит ее в ужас. Он отнял жизнь у ее родителей и ее старших братьев. С тех пор рак стал постоянно возобновляющейся темой разговоров с мамой, воплощенным злом, ждущим случая, чтобы нанести удар, когда его меньше всего ждут.

– Почему ты решила, что у него рак?

– Потому что при раке бывают трудности с дыханием. Так было с моим братом. Сначала рак отнимает дыхание, а потом и жизнь.

– Твой брат выкуривал по две пачки в день.

– А твой отец не курит. Но на днях с трудом отдышался.

Впервые я заметил, что естественный румянец на ее щеках поблек.

– Почему же ты мне не сказала? Что случилось?

– Вот как раз сейчас я и говорю, – ответила она и тяжело вздохнула. – В четверг после работы он сидел на веранде. Я готовила ужин, и, хотя жара стояла несусветная, твоему отцу втемяшилось в голову переставить ту кадку с японским кленом с одного конца веранды на другой – мол, чтобы солнце не пекло.

– В одиночку?

Я бы не мог сдвинуть эту штуковину ни на дюйм. Она весила как минимум несколько сотен фунтов. И даже больше.

– Ну да, – ответила мама, словно мой вопрос прозвучал глупо. – Передвинул, а потом несколько минут не мог отдышаться.

– Ничего странного. Любой после такого отдышался бы с трудом.

– Но не твой отец.

Я согласился с ней.

– И что было потом?

– Я же только что сказала.

– Долго он приходил в себя?

– Даже не знаю… пожалуй, пару минут.

– Отлеживался на диване?

– Нет, вел себя как ни в чем не бывало. Взял пива и включил какой-то матч.

– Ну, если ему кажется, что все в порядке…

– Ему надо к врачу.

– Ты же знаешь, он не выносит врачей.

– Вот поэтому *ты* и должен с ними поговорить. Слушать меня он больше не желает. Упирается, как пробка в сточной трубе, забитой потрохами и жиром, а сам уже сколько лет не был у врача.

– Так он, наверное, и меня слушать не станет. А Мардж ты просила?

– Она сказала, что теперь твоя очередь.

Ну спасибо тебе, сестренка.

– Ладно, я поговорю с ним.

Она кивнула, но по ее отсутствующему выражению лица я понял, что в мыслях у нее по-прежнему только *рак*.

– А где Вивиан? Она не приедет?

– Сегодня мы вдвоем с Лондон. У Вив какие-то дела.

– А-а, – отозвалась мама. Она знала, что означают эти «*дела*». – Твой отец, наверное, все еще в гараже.

К счастью, в тени гаража температура была чуть более приемлемой для меня, человека, привыкшего к офисам с кондиционерами. А мой отец, похоже, даже не замечал, что сегодня жарко, а если и замечал, то не жаловался. Гараж был его святилищем, и я, войдя туда, уже в который раз восхитился царящим в нем порядком и в то же время загроможденностью. Инструменты, развешанные по стенам, коробки с проводами и разными запчастями, названия которых я даже не знал, самодельный верстак с ящиками, полными всевозможных гвоздей, шурупов, гаек, какие только существуют в природе, детали двигателей, удлинители, садовый инвентарь – все было разложено по местам. Я всегда считал, что особенно комфортно отец чувствовал бы себя в пятидесятых годах двадцатого века или еще раньше, во времена первых переселенцев.

Мой отец – человек рослый, широкоплечий, с мускулистыми руками и русалкой, наколотой на предплечье, – памятью о службе на флоте. В детстве он казался мне великаном. В одной и той же компании он проработал сантехником почти тридцать лет, но, по-моему, был способен починить что угодно. Протекающие окна и крыши, неисправные газонокосилки и телевизоры, насосы – для него не имело значения, что чинить, он угадывал, что надо сделать и с какой именно деталью, чтобы все вновь заработало. Об автомобилях он знал все – правда, только о произведенных до эпохи всеобщей компьютеризации – и в выходные обычно латал кузов «Форда Мустанг» 1974 года, который сам отреставрировал двадцать лет назад и до сих пор ездил на нем на работу. Помимо верстака, он своими руками сделал множество вещей для дома: настил на заднем дворе, кладовку, туалетный столик для мамы, кухонные шкафы. В любую погоду он носил джинсы и рабочие ботинки и колоритно бранился, отдавая предпочтение не прилагательным, а глаголам. Нечего и говорить о том, что он был равнодушен к поп-

культуре и ни минуты не смотрел то, что называют «реалити-ТВ». Он требовал, чтобы ужин на столе ждал ровно в шесть, а после уходил в гостиную смотреть какой-нибудь матч. По выходным, помимо ухода за газоном, он работал в саду или в гараже. Терпеть не мог нежности. Даже со мной он всегда здоровался, пожимая руку, и я всякий раз чувствовал мозоли на его ладони и силу, с которой он сжимает мои пальцы.

Я нашел отца в гараже, из-под «Мустанга» торчали только его ноги. Общаться с ним здесь было все равно что с манекеном, брошенным на складе.

– Привет, пап.

– Кто там?

Лет в шестьдесят пять отец начал понемногу терять слух.

– Это я, Расс.

– Расс? Какого черта ты здесь делаешь?

– Вот, решил привезти Лондон повидаться. Она в доме с мамой, Мардж и Лиз.

– Шустрая девчушка, – буркнул он. На большую похвалу из уст моего отца не стоило рассчитывать, хотя он и обожал Лондон. Особенно ему нравилось смотреть очередной матч вместе с внучкой, сидящей у него на коленях.

– Мама говорит, на днях ты никак не мог отдышаться. Она считает, что тебе надо к врачу.

– Зря она беспокоится.

– Когда ты в последний раз был у врача?

– Не знаю, может, год назад. Он сказал, я здоров, как бык.

– Мама считает, что прошло гораздо больше времени.

– Может, и так…

Я увидел, как он ощупал несколько ключей, разложенных возле его бедра, и выбрал один из них. Намек я понял: мне следовало сменить тему.

– А что с машиной?

– Где-то масло подтекает. Вот, пытаюсь понять. Наверное, что-то с фильтром.

– Разберешься.

А вот я бы даже не нашел этот самый масляный фильтр. Мы совершенно разные – я и мой отец.

– Как идет бизнес? – спросил он.

– Медленно, – признался я.

– Так я и думал. Нелегко начинать свой бизнес.

– Может, посоветуешь что-нибудь?

– Нечего мне советовать. Я толком и не знаю, чем ты занимаешься.

– Мы же об этом сто раз говорили. Я придумываю рекламные кампании, пишу сценарии для роликов, разрабатываю печатные и цифровые рекламные материалы.

Он наконец выбрался из-под машины, его руки были все в масле, под ногти забилась грязь.

– Те ролики с машинами – твоя работа? Где какой-то тип орет-надрывается про последнее выгодное предложение?

– Нет.

На этот вопрос я уже отвечал.

– Видеть эту рекламу не могу. Слишком уж громкая. Сразу приходится убирать звук.

Вот одна из причин, по которой я уговаривал дилеров не делать голоса в рекламе столь громкими – большинство зрителей убирают звук так же, как мой отец.

– Знаю, ты мне говорил.

Он медленно выпрямился. Наблюдать, как отец поднимается, было все равно что следить, как образуется гора в результате столкновения тектонических плит.

– Говоришь, Лондон здесь?

– Она в доме.

– И Вивиан, наверное, тоже.

– Нет. Она сегодня занята.

Он продолжал вытирать руки тряпкой.

– Всякими женскими штучками?

Я улыбнулся. С точки зрения моего отца – в глубине души консервативного сексиста, – к «*женским штучкам*» относилось практически все, чем занималась мама: от стряпни и уборки до вырезания купонов и поездок в магазин за продуктами.

– Да, женскими штучками.

Он кивнул, считая это объяснение исчерпывающим.

– Я говорил тебе, что Вивиан подумывает снова выйти на работу?

– Хм-м.

– Дело не в том, что нам не хватает денег. Знаешь, она уже давно об этом говорит. Конечно, после того, как Лондон пойдет в школу.

– Хм-м.

– Думаю, так будет лучше для нее. На неполный день. А то заскучает.

– Хм-м.

Я замялся.

– А ты что думаешь?

– О чем?

– О новой работе для Вивиан. И моем новом агентстве.

Он почесал за ухом, явно чтобы выиграть время.

– А тебе никогда не приходило в голову, что, может, ты зря бросил работу?

Мой отец, хотя и является для меня олицетворением мужественности, не любил рисковать. Для него стабильная работа и регулярная зарплата значительно важнее преимуществ собственного бизнеса. Семь лет назад бывший владелец компании, в которой работал отец, предложил ему выкупить ее. Отец отклонил предложение, и бизнес перешел к другому работнику, более молодому и предприимчивому.

Честно говоря, я не ждал от отца советов насчет карьеры. Эти вопросы находятся вне его ведения, но я ничего не имею против. Его жизнь слишком отличалась от моей: если я продолжил учебу сразу после школы, то он пошел служить на эсминце у берегов Вьетнама. В девятнадцать он женился, отцом стал в двадцать два, а через год после этого его родители погибли в автомобильной аварии. Он работал руками, я – головой, и если его представления о мире, поделенном на белое и черное, добро и зло, – кое-кому могут показаться примитивными, они, в сущности, выражают взгляды на то, каким должен быть жизненный путь настоящего мужчины. Женись. Люби жену и относись к ней с уважением. Заведи детей и научи их ценить труд. Делай свое дело. Не жалуйся. Помни, что семья – в отличие от большинства людей, которых ты встретишь в жизни – всегда будет рядом. Чини то, что можно починить, а что нельзя – выбрасывай. Будь хорошим соседом. Люби внуков. Поступай по совести.

Хорошие правила. *Замечательные.* Они в большинстве своем остаются неизменными на протяжении всей его жизни. Но одно из них отвергнуто и уже не значится в его списке. Отец был воспитан в южной баптистской вере, и все наше детство мы с Мардж посещали и вечерни в среду, и дневные церковные службы в воскресенье. Каждое лето на каникулах мы занимались в библейской школе, и вопрос о том, бывать в церкви или нет, для моих родителей никогда не стоял. Как и все прочие, это правило продолжало действовать, пока Мардж не объявила моим родителям, что она лесбиянка.

Могу лишь догадываться, как волновалась Мардж. Мы росли в лоне церкви, считающей гомосексуализм грехом, и моим родителям привили точно такие же взгляды – или, пожалуй,

даже более строгие, ведь они относились к другому поколению. В конце концов мой отец обратился к пастору – из тех, что вечно пугал прихожан адскими муками за совершение грехов. Пастор объявил отцу, что Мардж выберет жизнь во грехе, если покорится своей натуре, и что родители обязательно должны привести ее в церковь, дабы не лишать ее надежды обрести милость Божию.

Моего отца по праву можно назвать резким, порой жестким и грубым, но своих детей он всегда любил. И верил в них, поэтому, когда Мардж сказала ему, что не выбирала свой образ жизни, а родилась такой, он только кивнул, сказав, что любит ее, и с этого дня наша семья перестала бывать в церкви.

Думаю, в мире есть немало людей, которые могли бы многому научиться у моего отца.

– Паршиво выглядишь, – сказала мне Мардж. Мы отнесли кексы на веранду, пока мама, Лиз и Лондон пекли очередную партию. Отец сидел в гостиной, смотрел, как играют «Атланта Брейвс», и наверняка ждал, что Лондон вскоре составит ему компанию. Она звала его дедулей, и это меня всегда умиляло.

– Умеешь ты подбодрить, даже настроение поднимается.

– Просто говорю то, что думаю. У тебя нездоровый цвет лица.

– Это от усталости.

– О, значит, ошиблась, – отозвалась она. – И дело не в том, что я хорошо тебя знаю и вижу, когда ты врешь. У тебя стресс.

– Небольшой.

– Не ладится с бизнесом?

Я поерзал на стуле.

– Напрасно я думал, что будет легко найти клиентов.

– Еще появятся. Просто дай им время. – Не дождавшись ответа, она спросила: – А что думает Вивиан?

– Об этом мы с ней почти не разговариваем.

– Что так? Ведь она твоя жена.

– Не хочу, чтобы она волновалась. Пожалуй, поговорю с ней, когда смогу сообщить хоть что-нибудь хорошее.

– Видишь? Вот в чем твоя ошибка. Вивиан должна быть тем самым человеком, с которым ты мог бы говорить о чем угодно.

– Наверное.

– Наверное? Вам обоим давно пора поработать над этим. Сходить к семейному психологу, например.

– Может, нам стоило бы записаться на прием к Лиз. Она ведь психотерапевт.

– Она тебе не по карману. Ты же вообще не зарабатываешь.

– Вот теперь мне намного легче.

– А ты предпочел бы, чтобы я приукрашивала действительность?

– Как бы заманчиво это ни звучало, я пас.

Она засмеялась.

– Суть в том, что я уже не раз видела подобное.

– Что видела?

– Одни и те же ошибки, которые люди совершают, начиная свое дело. – Она попробовала кекс. – Избыток оптимизма, когда речь идет о доходах, и недостаток пессимизма, когда дело касается затрат на бизнес или хозяйство. Или, в твоем случае, кредитки.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, привет! А Вивиан и ее походы «*по делам*»? Выписка, приходящая в середине месяца? Мы же ведем этот разговор далеко не в первый раз.

– Баланс немного превышен, – нехотя признал я.

– Тогда послушай совета твоей сестры с дипломом бухгалтера: откажись от кредитки. Или хотя бы установи лимит.

– Не могу.

– Почему?

– Потому что я обещал Вивиан, что ее жизнь не изменится.

– С чего вдруг тебе взбрело в голову такое обещать?

– Потому что она не должна страдать.

– Ты ведь понимаешь, насколько по-дурацки это звучит, да? Меньше бегать по магазинам – еще не значит страдать. Вы должны быть партнерами, играть в одной команде, особенно в трудные времена.

– Мы и так в одной команде. И я люблю ее.

– Знаю, что любишь. Если уж на то пошло, ты любишь ее слишком сильно.

– Так не бывает.

– Ага, но… в общем, я просто хочу сказать, что быть ее мужем не всегда легко.

– Это потому, что она женщина.

– Тебе напомнить, с кем ты разговариваешь?

Я замялся.

– Думаешь, я сделал ошибку? С собственным бизнесом?

– Не стоит себя винить сейчас. У тебя все равно не было выбора, разве что уехать чуть ли не на другой конец страны. Мне кажется, что постепенно все наладится.

Именно это мне и было нужно. Но пока она говорила, я невольно задумался, что хотел бы услышать эти слова от Вивиан, а не от своей сестры.

– Я так понимаю, кулинарные курсы тебе еще не надоели? – спросил я у Лиз полчаса спустя. На прошлое Рождество я подарил ей сертификат на пробные уроки по кулинарии под названием «Мечта шеф-повара», и они ей настолько понравились, что она продолжала посещать их. К тому времени я уже доедал второй кекс. – Очень вкусно.

– Это в основном заслуга твоей мамы. Мы редко что-то печем. Сейчас изучаем французскую кухню.

– Вроде эскарго и лягушачьих лапок?

– В том числе.

– И ты это ешь?

– Не поверишь, но они повкуснее этих кексов.

– Еще не уговорила Мардж походить на курсы с тобой за компанию?

– Нет, но это ничего. Я не прочь какое-то время побыть одна. И потом, это же всего один раз в неделю. Тут и говорить не о чем.

– Кстати, о Мардж: она считает, что я тряпка.

– Просто она беспокоится за тебя, – объяснила Лиз. Длинные темно-русые волосы, миндалевидные глаза оттенка кофе и покладистый нрав – она подходила скорее под типаж старосты, чем лидерши команды поддержки, но, на мой взгляд, именно этим и объяснялась ее привлекательность. – Она понимает, насколько тебе сейчас тяжело, потому и волнуется. А как дела у Вивиан?

– Все в порядке, но и ей нелегко. А я просто хочу, чтобы со мной она была счастлива.

– Хм-м.

– То есть?

– А что я должна была сказать?

– Ну, не знаю. Возразить мне? Дать совет?

– С какой стати?

– Ты же как-никак психолог.

– Ты не пациент. И даже будь ты пациентом, вряд ли я смогла бы помочь.

– Это еще почему?

– Потому что на терапию ходят не для того, чтобы изменить кого-то другого. А в попытках изменить самого себя.

К машине я вел Лондон за руку.

– Только маме не говори, что я съел два кекса, ладно?

– Почему?

– Потому что мне вредно, а я не хочу, чтобы она расстраивалась.

– Ладно, – согласилась она. – Не скажу. Обещаю.

– Спасибо, детка.

В шесть часов мы с Лондон вернулись, привезя с собой партию ванильных кексиков, и обнаружили, что дома никого нет.

Я отправил Вивиан сообщение, спрашивая, где она, на что получил ответ: «*Осталась пара дел, скоро приеду*». Ответ раздражал своей уклончивостью, но прежде, чем я успел написать еще одно сообщение, Лондон потащила меня за рукав к розовому трехэтажному «Дому мечты» для Барби, который возвышался у нас в углу гостиной.

Лондон обожала Барби, души в ней не чаяла. У нее было семь кукол Барби, два розовых кабриолета и пластмассовая коробка нарядов, которых хватило бы на целый торговый центр. По-видимому, Лондон ничуть не смущало, что все куклы носят одно и то же имя; еще больше меня удивляла уверенность дочки в том, что всякий раз, переходя из одной розовой комнаты трехэтажного «Дома мечты» в другую или сменяя занятие, Барби обязательно надо переодеться. Это происходило примерно каждые тридцать пять секунд. И еще больше, чем самой переодевать Барби, Лондон нравилось, когда за нее это делал папа.

В течение следующих полутора часов я провел, по кукольным меркам, целых четыре дня, только и делая, что переодевая Барби.

По-вашему, это бессмысленно? По-моему, тоже. Вероятно, тут есть какая-то связь с теорией относительности, но Лондон, похоже, не заботило, скучно мне или нет, лишь бы я продолжал переодевать кукол. Не волновало ее и другое – понимаю ли я причины, по которым она выбирает конкретную одежду. Помню, ближе к вечеру, когда в игре наступил третий день, я потянулся за зелеными брючками, и Лондон покачала головой:

– Нет, папа! Я же сказала: на кухне на ней должны быть надеты *желтые* брюки.

– Почему?

– Потому что она на *кухне*.

М-да.

Наконец я услышал, как к дому подъехал внедорожник Вивиан. В отличие от моего «Приуса» его расход бензина ужасал, зато он был большой, надежный, а Вивиан на это заявляла: водить гораздо более экономичный минивэн она не согласится ни за что.

– Мама приехала, детка, – сообщил я и вздохнул с облегчением, когда Лондон кинулась к двери, открыла ее и радостно произнесла: «Мамочка!» Прежде чем последовать за дочерью, я наскоро навел порядок в углу, где мы играли. К тому времени, как я вышел на крыльцо, Вивиан уже держала на руках Лондон, багажник был открыт, и я произвел беглый осмотр. Волосы Вивиан стали заметно короче, до плеч, и были подстрижены, как во время нашего знакомства.

Она улыбнулась мне, щурясь от угасающего летнего солнца.

– Дорогой! – позвала она. – Пакеты не захватишь?

Я спустился с крыльца, слушая щебет Лондон, рассказывая Вивиан, как прошел день. Когда я приблизился, Вивиан опустила Лондон на землю. По выражению ее лица я понял, что она ждет реакции.

– Ух ты! – Я поцеловал ее. – Сразу столько воспоминаний!

– Нравится? – спросила она.

– Очень красиво. Но как ты умудрилась подстричься в воскресенье? Неужели нашлась работающая парикмахерская?

– В центре есть салон, который работает по воскресеньям. Я наслушалась об одном из их мастеров, вот и решила попробовать.

Почему она не упомянула об этом утром, я понятия не имел. Но заметил, что она успела и на маникюр…

– Мне тоже нравится, мамочка! – вмешалась Лондон, прервав мои размышления.

– Спасибо, детка.

– А я сегодня у бабули пекла кексики.

– Да ты что!

– Такие вкусные! Папа целых два съел!

– Правда?

Моя дочь закивала, явно забыв о нашей договоренности.

– А дедуля – четыре!

– Наверное, и вправду вкусные. – Вивиан улыбнулась и забрала из салона пару пакетов полегче. – Ты не поможешь мне отнести покупки?

– Ладно. – Лондон взяла пакеты и направилась к крыльцу. А я заметил озорную улыбку на лице Вивиан – похоже, она была в настроении.

– Два кекса, значит?

– Ну, что я могу сказать? – Я пожал плечами. – Было вкусно.

Она достала еще несколько пакетов и четыре из них вручила мне.

– Похоже, вы вдвоем сегодня отлично провели время.

– Да, развлекались как могли, – согласился я.

– Как твои родители?

– У них все в порядке. Мама опять беспокоится, что у отца рак. Говорит, на днях никак не мог отдышаться.

– Ничего хорошего.

– Это только верхушка айсберга, но я уверен, что беспокоиться не о чем. Мне показалось, что с ним все в порядке. Конечно, в чем-то мама права. Ему стоило бы провериться.

– Дай мне знать, когда соберешь табун диких лошадей, который поможет тебе дотащить его до врача. Хочу сделать фото. – Она подмигнула и бросила взгляд на входную дверь. – Может, принесешь все остальное? – спросила она. – Хочу поболтать с Лондон.

– Конечно, – кивнул я.

Она поцеловала меня еще раз, и я ощутил ее влажные губы на своих губах. Определенно заигрывает.

– Там на заднем сиденье остались еще пакеты.

– Ничего, заберу.

Она отошла, а я принялся собирать пакеты с продуктами.

Но там были не продукты. Вместо них все заднее сиденье было завалено пакетами из элитных магазинов, и у меня упало сердце. Не удивительно, что Вивиан в прекрасном настроении.

Сердце щемило. Я в три захода разгрузил внедорожник. Пакеты из торговых центров я оставил на обеденном столе и уже заканчивал раскладывать купленные продукты, когда на

кухню вышла Вивиан. Открыв шкаф, она достала пару бокалов и направилась к холодильнику для вина.

– По-моему, выпить тебе требуется больше, чем мне, – сообщила она, разливая вино. – Лондон сказала, что ты играл с ней в Барби.

– Играла она. А я заведовал гардеробом.

– Как я тебя понимаю! Сама вчера была на твоем месте. – Она подала мне бокал и сделала глоток. – Как Мардж и Лиз?

Тон почти не изменился, но я понял, что ответ ее нисколько не интересует. Вивиан относилась к Мардж так же, как Мардж к ней, именно поэтому Вивиан лучше ладила с Лиз. Но, несмотря на вежливое и дружеское общение, Вивиан и Лиз были не особенно близки друг с другом.

– У них все замечательно. Лондон очень нравится общаться с ними.

– Знаю.

Я указал в сторону обеденного стола.

– Вижу, у тебя был шопинг.

– Лондон нужны несколько летних платьиц.

Моя дочь, как и жена, выходила из дома, наряженная так, словно сошла со страниц модного каталога.

– А я думал, ты уже купила ей летнюю одежду.

Она вздохнула:

– Прошу, не начинай.

– Что не начинать?

– Опять цепляться ко мне из-за шопинга. Ужасно надоело это слышать.

– Я к тебе и не цеплялся.

– Ты серьезно? – спросила она с раздражением. – Ты делаешь это, даже когда я использую шанс закупиться на распродажах. И потом, мне тоже была нужна пара новых костюмов – у меня на этой неделе собеседования.

На секунду мне показалось, что я ослышался.

– Собеседования? На этой неделе?

– А почему, по-твоему, я ношусь целый день по городу как сумасшедшая? – Она покачала головой, будто удивлялась, что до меня до сих пор не дошло. – Кстати, вспомнила: ты ведь побудешь с Лондон, да? Во вторник днем и в среду утром? Часа три? Мне предстоит целый ряд собеседований с руководством компании.

– Эм-м… да, пожалуй, – кивнул я, все еще пытаясь осознать слово «собеседование». – Когда ты об этом узнала?

– Сегодня.

– В воскресенье? В праздничные выходные?

– Поверь, я удивилась не меньше, чем ты. В пятницу у них в офисе вообще никого не было. Я как раз ехала делать прическу, когда они со мной связались.

– Почему же не позвонила мне?

– Потому что после такого разговора я начала метаться по делам, сама не веря, что это правда. Невероятно, да? Думаю, это надо отпраздновать. Хочешь посмотреть, что я купила?

Не дожидаясь ответа, она направилась к столу, достала два костюма, серый и черный, и набросила их на спинки стульев.

– Ну, как тебе?

– Очень стильно, – ответил я, стараясь отвести взгляд от ценников, но не смог. Желудок охватила судорога. Перед глазами заплясали долларовые значки.

– Ткань первоклассная, от покроя я в восторге, – продолжала она. – А вот это я купила к ним… – Она вынула из очередного пакета четыре блузки и приложила их по очереди сначала

к одному костюму, потом к другому. – Блузки сочетаются с обоими – я старалась сэкономить на чем только могла.

Я не знал, что на это сказать, и перевел тему:

– Я так и не понял, как вышло, что тебе уже назначили собеседования. Ты же совсем недавно говорила, что всего лишь наводишь справки.

– Мне повезло, – объяснила она.

– То есть?

– Пару недель назад я звонила Робу – сказать, что подумываю вернуться в пиар, и он пообещал сообщить мне, если найдет что-нибудь подходящее. А потом я позвонила моему бывшему боссу в Нью-Йорк – помнишь его?

Я кивнул. Этого типа мы видели чуть ли не каждый вечер по телевизору.

– В общем, он пообещал что-нибудь придумать. На многое я не рассчитывала, но он, видимо, поговорил со своим менеджером, а этот менеджер в итоге перезвонил мне. Так получилось, что он знает одного человека, который знаком с другим человеком, и в прошлый понедельник я уже говорила насчет работы с одним из вице-президентов, а она попросила меня предоставить резюме и три рекомендательных письма.

– Ты занимаешься этим вопросом с понедельника? И ничего мне не сказала?

– Я не думала, что из этого что-нибудь выйдет.

– А по-моему, ты должна была представлять, чем все может кончиться.

– Ой, прекрати! Как будто в таком деле можно хоть что-то знать наперед. – Она принялась убирать блузки. – Кстати, за третью рекомендацию пришлось побороться. Мне хотелось, чтобы ее дала местная знаменитость, но я не знала, согласится ли он. Но он, конечно, не отказался, и к среде у меня уже были все необходимые бумаги.

– Говоришь, это работа в сфере пиара?

– Я буду работать не столько на компанию, сколько на одного из ее руководителей. По-видимому, он дает множество пресс-конференций и интервью. На побережье реализуется сразу несколько его проектов, что защитники окружающей среды всегда воспринимают в штыки. Вдобавок у него теперь превосходный общественно-доступный канал, он все активнее участвует в политической жизни и стремится всегда оставаться в струе.

– И кто этот руководитель?

Она помолчала, водя пальцами по новому костюму.

– Прежде, чем я тебе скажу, не забывай, что мне еще даже не предложили работу. И я не знаю точно, возьмусь ли за нее. Надо уточнить детали.

– И все-таки, почему ты ничего не сказала мне?

– Не хотела тебя расстраивать.

– С какой стати мне расстраиваться?

Она стала убирать костюмы в пакеты.

– Просто ты его знаешь. Ты работал над одной из рекламных кампаний для него.

Факты мгновенно сложились у меня в голове в единое целое.

– Уолтер Спаннермен?

Она смутилась.

– Да.

Я вспомнил, как он отравлял мне жизнь, вспомнил его пристрастие к красивым женщинам и ничуть не удивился тому, что Вивиан вызвала у него интерес.

– Ты ведь знаешь, что он дрянь? Как и его компания?

– Потому ему и понадобился постоянный сотрудник, который будет заниматься пиаром.

– И ты готова работать с таким человеком?

– Не знаю. Я с ним пока не встречалась. Надеюсь, я смогу понравиться ему.

«При твоей-то внешности? Еще бы!» – подумал я.

– И сколько часов работы в неделю им может понадобиться?

– Вот в этом-то все и дело, – подхватила она. – Это работа на полный день. И видимо, с возможными деловыми поездками.

– На несколько дней?

– А разве бывает по-другому?

– Как же быть с Лондон?

– Я пока еще ничего не знаю. Будем решать проблемы по мере поступления. *Если* вообще они появятся. А пока можем мы просто выпить? Ты готов на это ради меня?

– Конечно, – ответил я, но одновременно задумался о Спаннермене, его отношениях с Питерсом, и поймал себя на мысли: у кого же Вивиан попросила недостающую рекомендацию?

Но разве могла она так поступить?

Глава 5
Перемены

Когда Лондон было четыре года, под елкой на Рождество она нашла трехколесный велосипед. Я решительно настоял на своем желании подарить ей его: в лучших воспоминаниях из детства я изо всех сил жал на педали своего «Швинна», радуясь свободе знойных летних дней. Правда, почти все эти воспоминания относились к периоду между восемью и тринадцатью годами. Но с приближением праздников я все чаще думал, что если Лондон начнет учиться ездить на велосипеде уже сейчас, то через год-два дополнительные колеса можно будет снять, а через несколько лет она сможет кататься так же уверенно, как я когда-то.

Однако у Вивиан эта затея не вызвала восторга. У нее в детстве тоже был велосипед, но радостных воспоминаний, связанных с ним, не было. Помню, как я спрашивал ее, купила ли она велосипед, на протяжении нескольких недель перед Рождеством, и всякий раз она заявляла, что еще не успела, оправдываясь нехваткой времени. В конце концов я буквально притащил ее в магазин и купил велосипед сам, а потом, когда Вивиан уснула, потратил несколько часов на сборку.

Я не мог дождаться, когда Лондон наконец опробует велосипед. Едва заметив его под елкой, она тут же бросилась к нему, а я помог ей забраться в седло. Я уже начал подталкивать Лондон, чтобы прокатить по гостиной, но тут вмешалась Вивиан, предлагая открыть остальные подарки. Как обычно, Лондон получила в подарок слишком много всего: одежду и игрушки, наборы пальчиковых красок, манекен, чтобы наряжать его, набор бусинок, чтобы делать украшения. А еще – бесчисленные «аксессуары» для Барби; мне понадобился час, чтобы собрать и выбросить упаковочную бумагу и ленты, разбросанные по комнате. Все это время Вивиан провела с Лондон, ее игрушками и одежками, поэтому лишь около полудня мне наконец удалось вывести дочь на улицу.

Вивиан сопровождала нас, но мне показалось, что происходящее она воспринимает скорее как свою обязанность, чем как новое и увлекательное приключение для Лондон. Пока Вивиан стояла на крыльце, скрестив руки на груди, я помог Лондон сесть на велосипед. Ее дыхание вырывалось изо рта легкими облачками пара, я шел рядом, придерживая руль. Я учил Лондон работать педалями, мы ездили туда-сюда по улице, но через пятнадцать минут она сказала «хватит». Ее щеки раскраснелись. Я полагал, что она отлично справлялась. Не знаю, почему, но я думал, что до конца этого дня мы потренируемся еще два или три раза.

Вместо этого Лондон провела остаток Рождества, играя с Барби и меряя новую одежду под присмотром сияющей Вивиан, потом рисовала пальчиковыми красками и собрала пару браслетов из бус. Но я не отступал: вся неделя у меня была свободна, и я взял себе за правило хотя бы раз в день выводить Лондон покататься. За несколько дней ее движения стали более слаженными, велосипед меньше вилял из стороны в сторону, и мне все реже приходилось придерживать руль. Лондон заливалась смехом, когда я делал вид, будто бы не успеваю за ней – так быстро она едет. С каждым разом мы проводили на улице все больше времени, а когда она наконец объявляла, что накаталась, я вел ее за руку до самой двери дома. Она рассказывала Вивиан о своих успехах возбужденно, и я уже не сомневался: Лондон пристрастилась к катанию на велосипеде и, даже после того, как я снова начну работать, будет требовать ежедневных прогулок с велосипедом.

Но этого не произошло. Когда я возвращался с работы, к тому времени обычно уже темнело и Лондон в пижаме готовилась ко сну. На вопрос, каталась ли она сегодня на велосипеде, она всегда отвечала «нет». Всякий раз Вивиан находила причину, чтобы не выводить ее на прогулку, – шел дождь, им надо было по делам, у Лондон, кажется, начиналась простуда,

или даже она сама не захотела гулять. А я, ставя машину в гараж, видел, как пылится в углу маленький велосипед, благодаря которому мы так весело проводили время. И каждый раз от этого у меня щемило сердце. Должно быть, на самом деле я знал свою дочь не так хорошо, как мне казалось, и нам с Лондон просто-напросто нравились разные занятия. Порой я ловил себя на мысли: неужели Вивиан не хочет, чтобы Лондон каталась на велосипеде, просто потому, что мне этого очень хочется?

Увольнение с работы я счел самым важным событием 2015 года для моей жены и для меня. В итоге я, конечно, ошибался: попытка начать собственное дело стала всего лишь первой косточкой из длинной вереницы домино, которая, падая, потянула за собой другие, большего размера.

Следующая неделя стала второй из этих косточек.

В понедельник Вивиан хотела подготовиться к собеседованиям, поэтому я вернулся из офиса в полдень. Наводя порядок в доме и занимаясь стиркой, я попутно развлекал Лондон, что было не так-то просто, как может показаться. Во вторник днем, пока Вивиан ездила на собеседование, я повел Лондон обедать в «Чак И. Чиз» – заведение, куда никогда не ступала нога Вивиан. После обеда Лондон немного поиграла на автоматах, надеясь выиграть столько билетиков, что их удастся обменять на розового плюшевого мишку. К выигрышу мы даже не приблизились, и, по моим подсчетам, на деньги, потраченные на жетоны для автоматов, я смог бы просто-напросто купить три таких же медведя.

В среду я отдал предпочтение нашей обычной субботней программе – завтраку и прогулке по парку, но никак не мог избавиться от мыслей о работе. Мне представлялось, как потенциальные клиенты пытаются дозвониться до меня, или, хуже того, лично приезжают в офис и обнаруживают, что он закрыт, но когда я звонил администратору с вопросами, то всякий раз слышал, что сообщений мне никто не оставлял.

Мой первоначальный список потенциальных клиентов сократился до нуля, и я занялся «холодным» обзвоном, предлагая свои услуги. Начиная с дневных часов среды и на протяжении всего четверга я успел сделать более двухсот звонков. Несмотря на то, что я постоянно слышал от собеседников, что мои услуги их «*не интересуют*», я продолжал упорствовать и сумел назначить пять встреч на следующую неделю. Эти компании не принадлежали к числу клиентов, на которых обычно ориентировалась «Питерс Груп» – семейный ресторан, магазин сэндвичей, два мануальных терапевта, спа-салон, – от них не стоило ждать заказов на внушительную сумму. Но это лучше, чем ничего.

Вернувшись домой, о собеседованиях Вивиан почти ничего не рассказала. По ее словам, не хотела сглазить, но казалась уверенной в успехе, а пока я говорил ей о своих встречах, назначенных на будущую неделю, ее мысли явно витали где-то далеко. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что это был тревожный сигнал, на который мне следовало обратить внимание.

В пятницу утром выйдя на кухню, я услышал, как зазвонил мобильник Вивиан. Лондон уже сидела за столом и ела хлопья. Вивиан взглянула на определившийся номер и выскочила в патио, прежде чем нажала кнопку «Ответить». Решив, что звонит ее мать – единственный известный мне человек, способный звонить в такую рань, – я налил себе кофе.

– Привет, детка, – сказал я Лондон.

– Привет, папочка. А ноль – это число?

– Да, – кивнул я. – А что?

– Ну-у… ты же знаешь, что мне пять лет, да? А до этого было четыре?

– Да.

– А сколько мне было до того, как исполнился год?

– До того как тебе исполнился один год, мы считали твой возраст в месяцах. Например, три месяца или шесть месяцев. А до того как тебе исполнился один месяц, твой возраст измерялся в неделях. И даже в днях.

– А еще раньше мой возраст был ноль, да?

– Пожалуй, да. А почему ты спрашиваешь?

– Потому что в октябре мне будет шесть лет. Но на самом деле семь.

– Милая, тебе будет шесть.

Она подняла кулачки и начала считать, поочередно разгибая пальцы:

– Ноль. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

К тому времени она разогнула пять пальцев на одной руке и два на другой. Всего семь.

– Нет, все не так, – произнес я.

– Но ты же сказал, что мне было ноль лет и что ноль – это число. Вот семь чисел. Значит, мне будет семь, а не шесть.

Обработать эту мысль до первой чашки кофе оказалось слишком сложно.

– Когда ты об этом задумалась?

Она пожала плечами, и у меня вновь мелькнула мысль, как поразительно она похожа на свою мать. В эту минуту на кухню вернулась слегка разрумянившаяся Вивиан.

– Все хорошо? – спросил я.

Мне показалось, она не сразу меня услышала.

– Ага, – наконец отозвалась она. – Замечательно.

– У твоей мамы все нормально?

– Наверное. Я уже неделю с ней не говорила. А почему ты спрашиваешь про маму?

– Разве сейчас ты не с ней разговаривала?

– Нет, – ответила она.

– А с кем? – наконец решился узнать я.

– С Рейчел Джонсон.

– Кто это?

– Один из вице-президентов в компании Спаннермена. Я проходила у нее собеседование в среду.

Вивиан умолкла. Я ждал. Она молчала.

– Ну и зачем она звонила? – настаивал я.

– Мне предлагают работу. Хотят, чтобы я приступила в понедельник. Ориентировочно.

Я не знал, уместны ли будут в этом случае поздравления, но все равно произнес их, и даже в тот момент еще не имел ни малейшего представления, что скоро весь мой мир перевернется с ног на голову.

* * *

В тот день работа воспринималась как нечто… *ненормальное.* Работа вообще перестала казаться мне нормальным явлением с тех пор, как я пустился в свободное плавание. Я занялся подготовкой презентаций для встреч, намеченных на ближайшее время. Клиенты должны были увидеть общий обзор различных рекламных кампаний, над которыми я работал, обсудить со мной стоимость рекламы в контексте их бизнеса и узнать, какого рода рекламные услуги я способен им оказать. Если потенциальные клиенты проявят интерес, к следующей встрече я подготовлю конкретные предложения.

Несмотря на значительный прогресс в работе, мысленно я то и дело возвращался к тому, о чем узнал сегодня утром.

С понедельника моя жена начинает работать на Спаннермена.

Приплыли.

На *Спаннермена*!

Но близился вечер пятницы, и я с нетерпением ждал, когда он настанет. Тем не менее, войдя в дом, я испытал такое ощущение, будто ошибся дверью. Гостиная, столовая и кухня были в страшном беспорядке, Лондон лежала перед телевизором, чего я никогда не видел в такой поздний час. Вивиан нигде не было, и она не отозвалась, когда я позвал ее. Я переходил из одной комнаты в другую, пока не обнаружил ее в кабинете. Сидя за компьютером, она собирала какую-то информацию по Спаннермену, и впервые за все время нашего супружества выглядела неряшливо. На ней были джинсы и футболка, а волосы были взъерошены. Рядом на столе лежала толстая папка, Вивиан распечатала кипу листов и что-то выделяла в них маркером, и, когда обернулась ко мне, я понял, что о романтике не стоит даже заикаться – за весь день Вивиан даже не вспомнила о предстоящем свидании.

Подавив разочарование, я заговорил с ней и предложил заказать китайскую еду. Мы вместе поужинали, но вид у Вивиан был отсутствующий, и, едва покончив с едой, она снова ушла в кабинет. Пока она клацала по клавишам и вынимала распечатки из принтера, я навел порядок в доме и помог Лондон подготовиться ко сну. Она уже привыкла мыться сама, поэтому мне осталось лишь налить для нее ванну, расчесать и почитать вслух, лежа в постели. Еще одно событие, случившееся впервые: Вивиан просто поцеловала нашу дочь на сон грядущий, не почитав ей. Когда Лондон уснула и я снова застал Вивиан в кабинете, она сказала, что работы у нее осталось еще на несколько часов. Я немного посмотрел телевизор, потом улегся спать один, а проснувшись на следующее утро, первое, о чем я подумал, было: до каких пор Вивиан вчера засиделась?

Едва проснувшись, она вылетела из дома точно по расписанию, а мне уже в пятый раз за семь дней досталась роль отца-одиночки. По пути к двери Вивиан спросила, не побуду ли я с Лондон весь день, и сообщила, что вчера так и не успела закончить сбор материалов, и вдобавок ей необходимо сделать еще кое-что по работе.

– Без проблем, – отозвался я, и мы с Лондон опять отправились к моим родителям. Мардж и Лиз уехали на выходные в Эшвилл, поэтому большую часть дня внимание моей мамы было безраздельно отдано Лондон. Но мама все-таки нашла время сообщить мне, что, поскольку я не справился с ее поручением и не уговорил отца сходить к врачу, Мардж сама отвезет его в понедельник.

– Приятно знать, что хоть кому-то из наших детей небезразлично здоровье их отца, – заявила она.

Ну спасибо, мама.

Отец по обыкновению пропадал в гараже. Когда я вошел туда, он выглянул из-под капота.

– А, это ты, – произнес он.

– Да вот, решил заглянуть к вам вместе с Лондон.

– Вивиан опять не приехала?

– Готовится к выходу на работу. В понедельник приступает.

– А-а, – протянул он.

– И это все?

Он вынул платок из заднего кармана и вытер пальцы.

– Ну что ж, это даже хорошо, – наконец высказался он. – Кто-то же в семье должен зарабатывать деньги.

И тебе спасибо, папа.

Посидев с ним в гараже еще немного – тем временем Лондон радостно пекла что-то вместе с бабушкой, – я устроился на диване в гостиной, где по телевизору показывали гольф. Я не играю в гольф и обычно даже не смотрю его, но заметил, что изучаю логотипы на сумках для клюшек и на рубашках, пытаясь прикинуть, сколько денег перепало рекламным агентствам, которым пришла в голову эта идея.

Меня угнетало буквально все.

За весь день я отправил Вивиан два сообщения и оставил голосовое, но ответа так и не получил. На звонок домой тоже никто не ответил. Подумав, что она, скорее всего, все еще занята, по дороге от родителей я заехал в продуктовый магазин, что обычно случалось редко. Как правило, за продуктами я ездил, только когда у нас заканчивалось что-нибудь из запасов или когда мне хотелось чего-нибудь особенного к ужину; я из тех покупателей, которые берут не тележку, а корзинку, как будто им не терпится покинуть магазин как можно скорее. Для Лондон я прихватил коробку макарон с сыром, нарезанную грудку индейки и груши – единственный полезный продукт, по случайности оказавшийся ее любимой едой. Для нас с Вивиан я выбрал бифштекс «Нью-Йорк» и пригодное для сашими филе тунца, которые мог бы поджарить на гриле, и к ним все для салата – кукурузу в початках и бутылку шардоне.

Я не только надеялся наверстать упущенный вечер свидания, но и просто хотел побыть с Вивиан. Хотел выслушать ее, обнять, поговорить о нашем будущем. Я понимал, что грядут перемены, и собирался пообещать, что мы преодолеем все трудности вместе, как семейная пара. Если Вивиан на работе почувствует себя состоявшейся и востребованной, возможно, она и дома будет пребывать в хорошем настроении. Если мы поделим родительские обязанности поровну, то сможем относиться друг к другу с большим уважением, а значит, узы, связывающие нас, станут крепче. Вечерами мы будем рассказывать, как прошел у каждого день, радоваться нашим успехам и поддерживать друг друга в трудную минуту, а поскольку и денег в семье прибавится, нам будет еще легче. Другими словами, все начнет меняться к лучшему, и сегодня – первый шаг на этом пути.

Но почему же тогда мне так тревожно?

Может, потому, что Вивиан так и не перезвонила и не ответила на мои сообщения, и, когда мы с Лондон вернулись домой, ее все еще не было.

То, что поначалу казалось просто странным, мало-помалу начало настораживать, но я не стал ни звонить, ни писать ей, зная, что не сумею скрыть раздражение, а это наверняка поставит крест на запланированном вечере. Так что я замариновал стейк, поставил его в холодильник и принялся нарезать огурцы и помидоры для салата. Тем временем Лондон чистила кукурузные початки. Известие, что она помогает готовить ужин для самого настоящего свидания, привело ее в восторг, она старательно обрывала все волокна с початка, показывала его мне, а потом откладывала в сторону и бралась за следующий. Я приготовил для нее макароны с сыром, очистил и нарезал грушу, выложил на тарелку индейку, и составил ей компанию за едой. От Вивиан по-прежнему не было никаких вестей, я включил Лондон фильм и смотрел его вместе с ней, пока не услышал, как к дому подъехала машина.

Лондон вылетела за дверь, едва Вивиан вышла из машины. Я увидел, как она подхватила дочь на руки и поцеловала ее. Мне тоже достался поцелуй и просьба внести в дом пакеты. Вивиан и Лондон ушли в дом, а я, думая, что в пакетах еда, увидел в багажнике целую гору пакетов из «Неймана – Маркуса» и полдюжины обувных коробок итальянских брендов.

Не удивительно, что она не перезвонила и не написала. Вивиан была страшно *занята*.

Как и неделю назад, понадобилось несколько заходов, чтобы перенести в дом все покупки, и к тому времени, как я закончил, Вивиан уже сидела рядом с Лондон на диване.

Вивиан улыбнулась мне и беззвучно проговорила, что хочет побыть с Лондон еще несколько минут. Я кивнул, напомнив себе: ни в коем случае нельзя выдавать раздражение. Я налил два бокала вина, отнес один Вивиан, потом вышел на веранду, где установил и разжег гриль. Зная, что ему понадобится несколько минут для разогрева, я вернулся в дом и глотнул вина, разглядывая покупки, которые выгрузил на обеденный стол. Через некоторое время Вивиан поцеловала Лондон в макушку и ускользнула, поманив меня за собой. Я подошел, она встретила меня кратким поцелуем.

– Лондон говорит, ей было очень весело с тобой.

– Я рад. Видимо, и у тебя день выдался насыщенный.

– Точно. Сначала закончила сбор материала, потом металась по магазинам. Под конец мне уже хотелось только одного: вернуться домой и расслабиться.

– Есть хочешь? Я захватил свежего тунца, гриль уже разогревается.

– Да?.. Прямо сейчас?

– А что такого?

– Но я уже поужинала. – Заметив мое недовольство, Вивиан принялась оправдываться: – Я же не знала, что ты на сегодня запланировал ужин. Просто ни позавтракать, ни пообедать я не успела, а есть хотелось так, что сводило живот. Вот я и зашла в кафе по пути из торгового центра. Надо было сообщить мне, я бы ограничилась перекусом на скорую руку.

– Я звонил тебе и писал, но ты не отвечала.

– Мой телефон был в сумочке, я его не слышала. То, что ты писал и звонил, я увидела, когда уже подъезжала к дому.

– Могла бы просто позвонить мне.

– Я же предупредила, что у меня будет сумасшедший день.

– Настолько, что не нашлось ни минуты, чтобы проверить телефон?

– Послушать тебя, так я нарочно пытаюсь испортить тебе вечер, – вздохнула она. – Ладно, жарь свой стейк. Лондон наверняка хочет есть.

– Она уже поужинала, – сообщил я. А сам подумал, что больше всего мне хочется, чтобы моя жена так же скучала по нашим беседам, как скучал по ним я.

– А-а. Хочешь посмотреть, что я купила?

– Ну давай.

– Может, сначала принесешь мне еще полбокала вина? Я сперва разберу вещи…

Я кивнул и вернулся на кухню словно в трансе, до сих пор не понимая, что произошло. Она не могла не знать, что дома ее ждет ужин, так почему все-таки заехала поесть? И почему не проверила телефон? Как вышло, что моя жена не чувствовала ни малейшей потребности узнать, как ее семья? Я долил вина в ее бокал, вернулся в столовую, чтобы продолжить расспросы, но к тому времени Вивиан уже разложила на столе и развесила на спинках стульев свои многочисленные приобретения.

– Спасибо, милый. – Она потянулась за бокалом, снова поцеловав меня, но отставила его, даже не пригубив. – Я купила еще и темно-синий костюм. Шикарный, но немного великоват в бедрах, и я отдала ушить его. – Она продолжала показывать мне одну покупку за другой. А я заметил один из чеков, вывалившихся из пакета. Сумма только в одном чеке превышала месячный ипотечный платеж.

– С тобой все хорошо? – спросила она, закончив показ. – Тебя, по-моему, что-то беспокоит.

– Да просто задумался, почему ты мне не позвонила.

– Я же объяснила: была занята.

– Да, но…

– Что «но»? – Ее глаза блеснули. – Ты тоже не звонишь и не пишешь каждую минуту, когда занят работой.

– Но ты ездила по магазинам.

– Для работы, – возразила она, уже не скрывая раздражения. – Думаешь, мне хотелось сидеть полночи, а потом весь день носиться по городу? Но ты же не оставил мне выбора, верно? Я вынуждена работать, потому что ты свою работу бросил. И не думай, что я не заметила, как ты разглядывал чеки! И перед тем, как вздумаешь снова вставать на дыбы, разреши тебе напомнить, что твоя авантюра обошлась гораздо дороже, чем мои сегодняшние покупки.

– Вивиан…

– Хватит уже делать из меня воплощение зла! У тебя самого рыльце в пушку.

– А я и не отрицаю.

– Тогда прекрати придираться к каждому моему шагу!

– Я вовсе не…

Но она уже покинула столовую.

Следующие полчаса мы избегали друг друга. Вернее, она избегала меня. Ей это всегда удавалось лучше. Я точно знаю это, потому что продолжал наблюдать за ней, надеясь заметить момент, когда она начнет оттаивать, и размышлял, почему нам никак не удается обсудить то, что меня тревожит, без ссоры.

Я поджарил тунца и стейк, надеясь, что она их хотя бы попробует, и накрыл стол на веранде. Потом перенес туда еду и позвал Вивиан. Но она явилась вместе с Лондон.

Я положил понемногу обеим, и хотя Вивиан все же попробовала еду, она по-прежнему продолжала играть со мной в молчанку. Ужин скрасило лишь то, что Лондон, ничего не замечая, болтала со своей матерью, словно меня за столом не было.

К тому времени, как ужин закончился, я был зол на Вивиан не меньше, чем она на меня. Я ушел в кабинет и включил свой компьютер, решив поработать над презентациями, но попытка оказалась напрасной: в голове крутился недавний разговор.

Меня не покидало гложущее чувство провала. Как-то получилось, что я вновь потерпел фиаско, и даже не понимал толком, что я сделал не так. Тем временем Вивиан уже помогала Лондон готовиться ко сну. Вскоре я услышал, как моя жена спускается в гостиную.

– Лондон ждет, когда ты ей почитаешь, – сообщила она. – Только недолго. Она уже вовсю зевает.

– Ладно, – кивнул я, и мне показалось, что я вижу на ее лице то же сожаление, которое испытывал сам, думая о сегодняшнем вечере. – Послушай, – добавил я, потянувшись к ее руке, – мне жаль, что сегодня все так вышло.

Она пожала плечами.

– Неделя выдалась напряженной для нас обоих.

Я почитал Лондон, поцеловал ее и пожелал спокойной ночи, а когда вышел к Вивиан, она уже сидела в гостиной, одетая в пижаму, с открытым журналом на коленях, смотря по телевизору какое-то реалити-шоу.

– Знаешь, – заговорила она, как только я сел рядом, причем было видно, что журнал интересует ее гораздо больше, чем я, – мне пришлось переодеться в домашнее. Я вымотана. Не знаю даже, сколько еще я продержусь, прежде чем упаду в постель и усну.

Я понял то, что осталось невысказанным вслух: о том, чтобы заняться любовью, не может быть и речи.

– Я тоже устал.

– Прямо не верится, что через месяц Лондон пойдет в школу. Быть того не может!

– А я до сих пор не понимаю, почему они начинают учиться так рано, – с готовностью подхватил я. – Ведь в наше время занятия в школе всегда начинались после Дня труда[4]. А теперь почему двадцать пятого августа?

– Понятия не имею. Наверное, это как-то связано с обязательным количеством учебных дней.

Я потянулся за пультом телевизора.

– Не возражаешь, если я поищу что-нибудь другое?

Ее глаза вдруг вспыхнули, взгляд метнулся к пульту.

– Я уже смотрю вот это. Просто хочу бездумно поглазеть на что-нибудь и немного расслабиться.

---

[4] Национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября. – *Примеч. ред.*

Я положил пульт на место. Некоторое время мы оба молчали. И наконец я спросил:

– Чем хочешь заняться завтра?

– Пока не знаю. Надо бы съездить за костюмом, который отдала ушить, – вот, пожалуй, и все. А что? Ты что-нибудь запланировал?

– Займемся, чем захочешь. Ты всю неделю была так занята, мы даже толком не виделись.

– Да уж. Кошмар какой-то.

Возможно, мне просто почудилось, но Вивиан, похоже, установившийся с недавних пор график беспокоил гораздо меньше, чем меня.

– А насчет сегодняшнего ужина…

Она покачала головой.

– Давай не будем об этом, Расс. Я хочу просто отдохнуть.

– Да я только хотел объяснить, что беспокоился…

Она отложила журнал.

– Прямо сейчас?

– Ты о чем?

– Ты правда хочешь поговорить об этом прямо сейчас? Я же объяснила тебе: я устала. И сказала, что не хочу ничего обсуждать.

– Почему ты опять злишься?

– Потому что я вижу, к чему ты клонишь.

– Ну и к чему?

– Ты пытаешься заставить меня извиняться, а я ни в чем не виновата. Хочешь, чтобы я извинялась за то, что нашла хорошую работу? Или за то, что пытаюсь одеваться как подобает? Или за то, что перекусила по дороге, потому что от голода меня трясло? А тебе не приходило в голову, что, может быть, это тебе стоило бы извиниться – за то, что чуть не устроил скандал?

– Не устраивал я скандал.

– Именно этим ты сейчас и занимаешься, – продолжала она, глядя на меня, как на ненормального. – Ты взвился, как только узнал, что я уже поела, и постарался дать мне это понять. И я попыталась быть с тобой ласковее. Позвала тебя в гостиную, показала свои покупки. Поцеловала. А ты сразу же после этого как всегда напустился на меня!

Я понимал, что в ее словах есть доля правды.

– Хорошо, ты права. – Я старался говорить ровно. – Да, честно говоря, я расстроился, узнав, что ты поужинала перед тем, как вернулась домой…

– Вот видишь! – перебила она. – В этом весь ты. Представь себе, но чувства есть не только у тебя. Ты хотя бы раз задумывался о том, в каком напряжении я живу последнее время? А что ты? Срываешься на меня, стоит мне шагнуть через порог, и даже сейчас не можешь остановиться! – Она вскочила с дивана и направилась к двери, продолжая говорить: – Мне хотелось всего лишь посмотреть телевизор, полистать журнал и мирно посидеть с тобой! И все! Разве я многого прошу?

– Куда ты?

– Иду в постель, потому что хочу расслабиться. Можешь присоединиться, но если снова начнешь заводить споры, лучше не стоит.

И она ушла. Я выключил телевизор и просидел в тишине следующий час, пытаясь понять, что с нами случилось.

Или, точнее, что мне делать, чтобы изменить наши отношения к лучшему.

В воскресенье я проснулся поздно и в пустой постели.

Натянув джинсы, я попытался пригладить торчащие во все стороны волосы, которые видел в зеркале каждое утро. Эта неприятность казалась особенно досадной потому, что Вивиан сразу после пробуждения обычно выглядела так, словно долго прихорашивалась.

Поскольку Вивиан уже спала к тому времени, как вчера я наконец улегся в постель, я не знал, чего ждать, но, направляясь на кухню, услышал смех жены и дочки.

– Доброе утро, – поздоровался я.

– Папочка! – вскрикнула Лондон.

Вивиан обернулась и подмигнула, улыбаясь мне так, словно ничего и не было.

– Ты как раз вовремя! – объявила она. – Завтрак уже готов.

– Пахнет потрясающе.

– Иди-ка сюда, красавчик, – позвала она.

Я приблизился, полагая, что Вивиан пытается понять, в каком я настроении, но она, дождавшись, когда я остановлюсь рядом, поцеловала меня.

– Извини за вчерашний вечер. Все хорошо?

– Да, хорошо. И ты меня извини.

– Я зажарила бекон, чтобы хрустел, как ты любишь. Положить тебе?

– Да, отлично.

– Кофе тоже готов. Сливочник вон там.

– Спасибо. – Я налил себе кофе и перенес чашку за стол в столовой, где сел рядом с Лондон. Она потянулась за своим стаканом с молоком, и я поцеловал ее в макушку.

– Как дела, детка? Сладкие сны видела?

– Не помню. – Она сделала глоток, и у нее появились молочные усы.

Вивиан поставила перед нами две тарелки с яичницей, беконом и тостом.

– Хочешь сока? Есть свежевыжатый апельсиновый.

– Отлично, спасибо.

Вивиан принесла сок и свою тарелку. В отличие от наших, на тарелке у нее лежала лишь маленькая порция белкового омлета и фрукты.

Я прожевал кусочек бекона.

– Когда же ты встала?

– Наверное, час назад. Ты спал как убитый. По-моему, ты даже не услышал, как я встаю.

– Да, похоже на то, – кивнул я.

– Ладно уж, признаюсь: я уже думала, если ты не встанешь к завтраку, отправлю Лондон попрыгать на тебе.

Я повернулся к Лондон, в изумлении открыв рот.

– И ты бы согласилась? Даже если бы я еще спал?

– Конечно! – захихикала Лондон. – Знаешь что? Мама возьмет меня с собой в торговый центр, забирать ее костюм, а потом мы поедем в зоомагазин!

– И что там, в зоомагазине?

– Мама сказала, что разрешит мне купить хомячка. Я назову его Крапинкой.

– Не знал, что ты хочешь хомячка.

– Давно уже хочу, папа.

– Почему же не сказала мне, детка?

– Потому что мама говорила, что ты не согласишься.

– Даже не знаю, – засомневался я. – Ухаживать за хомяком – серьезная задача.

– Знаю, – кивнула она. – Но они такие хорошенькие!

– Да, хорошенькие, – согласился я, и до конца завтрака Лондон пыталась убедить меня, что она уже большая и сможет как следует позаботиться о хомяке.

Вторую чашку кофе я неторопливо допивал на кухне, пока Вивиан загружала посудомойку. Лондон играла в гостиной со своими Барби.

– Знаешь, она и вправду уже большая, чтобы заводить хомяка, – заметила Вивиан. – Даже несмотря на то, что чистить клетку придется тебе.

– Мне?

– Конечно, – подтвердила она. – Ведь ты отец.

– Хочешь сказать, мне по должности положено помогать дочери чистить клетку для хомяка?

– Считай, что это прекрасный повод сблизиться с ней.

– Отмывать хомячье дерьмо?

– Тише ты! – толкая меня в бок, шепнула она. – Ей будет полезно, пусть учится быть ответственной. И потом, это гораздо проще, чем завести щенка. А она, между прочим, без ума от соседского йорка, так что считай, что тебе повезло. Видел рассылку из загородного клуба?

– Кажется, нет.

– У них есть хорошие программы для детей, в том числе теннис. Три раза в неделю утром в девять, всего четыре недели, так что перестраивать ее расписание не придется. По понедельникам, вторникам и четвергам.

Со своего места я видел дочь через дверь гостиной и снова отметил, насколько она похожа на свою мать.

– Не знаю, понравится ли ей, – откликнулся я. – Кстати, о Лондон… я вот что хотел спросить: что ты решила насчет нее?

– О чем ты?

– Завтра у тебя начинается работа. Кто будет присматривать за Лондон?

– Да-да. – В ее голосе слышалось напряжение. Она ополоснула и поставила очередную тарелку в посудомойку. – Я собиралась поискать какую-нибудь дневную группу на прошлой неделе, но не хватило времени. Все, что мне удается, – кое-как держаться, и все равно кажется, что к завтрашнему дню я не готова. Меньше всего мне хочется, чтобы Уолтер за обедом принял меня за идиотку.

– Ты обедаешь с Уолтером?

– С моим новым боссом. С Уолтером Спаннерменом.

– Кто он такой, я знаю. Но я не знал, что ты завтра обедаешь с ним.

– И я тоже – до сегодняшнего утра. Меня разбудили письмом с моим ориентировочным графиком. Завтра не будет ни минуты свободной – отдел кадров, юридический отдел, обед, встречи с вице-президентами. Явиться я должна к половине восьмого.

– Рано, – оценил я и умолк, ожидая, когда она вернется к вопросу о том, кто будет присматривать за Лондон. Она сполоснула вилки, положила их в посудомойку, но продолжала молчать. Я прокашлялся. – Говоришь, дневную группу для Лондон ты так и не нашла?

– Пока нет. Звонила подругам, они вроде бы нахваливали группы, куда водят своих детей, но мне хочется убедиться самой, понимаешь? Обойти территорию, познакомиться с персоналом, выяснить, какие у них развивающие программы… Хочу убедиться, что Лондон эта группа подходит.

– Если у тебя есть координаты, я могу позвонить туда и договориться о встрече для нас обоих.

– В том-то и дело! Я понятия не имею, когда буду свободна на этой неделе.

– Постараюсь договориться, чтобы нас приняли вечером.

– Может, я лучше все-таки сама, как думаешь? Терпеть не могу отменять встречи.

– Как же тогда… что будем делать завтра? С Лондон?

– Я не могу просто привезти ее в незнакомое место и оставить там. А ты бы смог? Я хочу для нее самого лучшего…

– Если ты выберешь одну из групп, куда ходят дети твоих подруг, с Лондон все будет в порядке.

– Она и без того волнуется, зная, что я выхожу на работу. Сегодня утром она была очень расстроена. Поэтому мы и позавтракали все вместе, и я предложила ей завести хомяка. Не хочу, чтобы на этой неделе ей показалось, будто мы о ней забыли.

– О чем ты вообще говоришь?

Вивиан закрыла дверцу посудомойки.

– Я надеялась, что на этой неделе с ней побудешь ты. Тогда Лондон успеет адаптироваться…

– Я не могу! На этой неделе у меня каждый день встречи с клиентами.

– Да, понимаю, я многого прошу, и мне неловко так поступать с тобой. Но я не знаю, как быть. Я думала, может, ты возьмешь ее с собой в офис или поработаешь из дома. А на время встреч отвезешь ее к своей маме. Ведь это всего на неделю. Или две.

На неделю? Или *две*?

Эти слова эхом звучали у меня в голове, пока я отвечал:

– Даже не знаю… надо позвонить маме, выяснить, согласна ли она.

– Может, позвонишь? Я и так вся на нервах из-за новой работы, мне только беспокойства за Лондон не хватало! Говорю же, сегодня утром она очень расстроилась.

Я присмотрелся к Лондон: за завтраком она вовсе не казалась расстроенной, как и теперь, но, с другой стороны, Вивиан знала ее лучше, чем я.

– Ну ладно. Я позвоню маме.

Улыбнувшись, Вивиан шагнула ко мне и обвила руками шею.

– Ужин-сюрприз вчера вечером – это было так мило! Вот я и подумала, что, может быть, буду в настроении выпить бокал вина, когда Лондон уснет. – Она поцеловала меня в шею, обдавая ее жарким дыханием. – А ты как? Не возражаешь?

Я невольно задумался: неужели все это – ее щебетание, жизнерадостное настроение, завтрак – было просто направлено на то, чтобы добиться своего? Вивиан поцеловала меня в шею во второй раз, и я ее простил.

Вивиан и Лондон вернулись лишь ближе к вечеру. За время их отсутствия я закончил презентацию для мануального терапевта, с которым была назначена первая из встреч, потом убрал в доме и позвонил маме. Я объяснил, что на следующей неделе у меня встречи с клиентами, и спросил, можно ли привезти к ней Лондон в понедельник.

– Привози, конечно, – ответила она.

Я как раз вешал трубку, когда Вивиан подъехала к дому, и еще до того, как открыл дверь, услышал, как Лондон зовет меня:

– Папа, папочка! Иди сюда скорее!

Я сбежал с крыльца и увидел, что она держит в руках пластмассовую клеточку. Издалека мне показалось, что у меня двоится в глазах, но когда я подошел поближе, то понял, что не ошибся: в клетке действительно сидели два хомяка – черно-белый и рыжеватый. На лице Лондон сияла широкая улыбка.

– Их двое, папочка! Мистер Крапинка и Миссис Крапинка!

– Двое?

– Она никак не могла выбрать, – пояснила Вивиан, – и я подумала: почему бы и нет? Ведь клетку все равно покупать.

– А я держала на руках Мистера Крапинку всю дорогу до дома! – добавила Лондон.

– Да что ты говоришь!

– Он такой лапочка! Просто сидел у меня на руках, и все. А теперь я подержу Миссис Крапинку.

– Замечательно, – кивнул я. – Отличная у них клетка.

– Это просто переноска, а настоящая клетка в машине. Мама сказала, ты поможешь мне собрать ее. Она огромная!

– Так и сказала? – Мне вспомнились вечера накануне Рождества, которые я провел, собирая стол для рисования, «Дом мечты» для Барби, велосипед… Достаточно сказать, что все эти задачи давались мне с трудом, хотя мой отец запросто справился бы с ними. Наверное, Вивиан поняла, о чем я думаю, потому что шагнула ко мне и обняла.

– Не волнуйся, – успокоила она, – ничего сложного. А я буду твоей командой поддержки.

Этой ночью мы занимались любовью, а потом я лежал на боку, гладя поясницу Вивиан. Ее веки были сомкнутыми, прекрасное тело – расслаблено.

– Ты так и не сказала мне, в чем будет заключаться твоя работа.

– Рассказывать почти нечего. Работа вроде моей прежней. – Ее голос был сонным, я еле разбирал невнятные слова.

– Уже известно, насколько частыми будут поездки?

– Пока нет, – ответила она. – Наверное, скоро узнаю.

– Нелегко придется с Лондон.

– С Лондон все будет в порядке. Ты же здесь.

Почему-то я ждал, что она скажет еще что-то вроде: как будет скучать по Лондон, как надеется, что поездки окажутся не слишком частыми. Но ее дыхание стало размеренным и глубоким.

– Ты уже знаешь, сколько тебе будут платить?

– А что?

– Пытаюсь прикинуть наш бюджет.

– Нет. Пока не знаю.

– Как такое можно не знать?

– Есть же основной оклад, бонусы, всевозможные премиальные… Доля прибыли. Они мне что-то объясняли, но я не вслушивалась и толком не поняла.

– Ну, хотя бы приблизительно?

Она вяло провела ладонью по моей руке.

– А обязательно обсуждать это прямо сейчас? Ты же знаешь, я не выношу разговоров о деньгах.

– Не обязательно, конечно.

– Я тебя люблю.

– И я тебя люблю.

– Спасибо, что посидишь неделю с Лондон.

Или две, сразу же подумал я, но говорить об этом не стал.

– Не за что.

Мне не спалось, и я, пролежав час в постели и насмотревшись в потолок, бесшумно выскользнул из спальни и босиком прошел на кухню. Налив себе стакан молока, я залпом выпил его и решил проведать Лондон. Я зашел к ней в комнату и сразу услышал скрип и жужжание колеса в клетке – несмотря на ночное время, хомяки бодрствовали.

К счастью, Лондон их не слышала. Она крепко спала, ее дыхание было глубоким и ровным. Я поцеловал ее в щеку и поплотнее укрыл одеялом. Она пошевелилась, а я смотрел на нее и вдруг почувствовал, как у меня защемило сердце от гордости и любви, смешанных с тревогой и страхом.

Потом я вышел посидеть на веранду. Ночь была теплая, в воздухе звенели трели сверчков. Мне смутно помнилось, как в детстве отец объяснял, что частота этих трелей приблизительно соответствует температуре. И я задумался, правда ли это или просто байка.

Эти размышления переросли в другие, и я понял, почему сон упорно ускользал от меня.

Дело было в Вивиан и в том, что она так и не сказала мне, сколько ей будут платить. Я не поверил, когда услышал, что во время разговора об этом с начальством она якобы не прислушивалась, и это меня тревожило.

За все годы нашего брака я ни разу не утаил от Вивиан точного размера своего заработка. С моей точки зрения, делиться такой информацией супруги просто обязаны. Для пары скрытность в финансовых делах – самое что ни на есть последнее дело. Скрытность губительна и в итоге приводит к контролю. А может, я просто слишком строг к Вивиан. И она всего лишь не хотела ранить мои чувства, зная, что будет обеспечивать семью, пока я пытаюсь наладить свой бизнес.

В чем дело, я так и не понял. Но на меня была возложена ответственность за нашу дочь, и как только я вспомнил об этом, подлинная причина моей бессонницы стала очевидной.

Мы внезапно поменялись ролями.

Глава 6
Мистер мамочка

В моем детстве родители каждое лето грузили вещи в прицеп и везли нас с Мардж на Внешние отмели. Поначалу мы останавливались ближе к Родантe, позднее стали уезжать дальше на север, к тем местам, где братья Райт творили историю авиации. А когда мы повзрослели, нашим излюбленным местом стал Окракоук.

Окракоук – не более чем деревушка, но по сравнению с Родантой он казался мегаполисом с магазинами, где продавали мороженое и пиццу. Мы с Мардж часами бродили по берегу, собирали ракушки и жарились на солнце. Вечером мама готовила ужин – обычно бургеры или хотдоги. Потом мы ловили светлячков в банки с закручивающимися крышками, а когда на ночном небе появлялась россыпь звезд, заваливались спать – мы в палатке, наши родители в прицепе.

Хорошие были времена. Пожалуй, лучшие в моей жизни. Но отцу, конечно, они запомнились иначе.

– Я терпеть не мог эти семейные поездки, – признался он мне, когда я был уже студентом. – Вы с Мардж всю дорогу грызлись, как кошка с собакой. В первый же день ты обгорал на солнце, а остаток недели скулил, как младенец. А Мардж большую часть недели дулась, скучая по своим подружкам, и ладно бы только дулась: когда у тебя начинала облезать обгоревшая кожа, ты бросался ею в Мардж, и она визжала. Вы двое были прямо как заноза в заднице.

– Тогда зачем же ты возил нас туда каждый год?

– Твоя мать заставляла. А я бы лучше укатил в отпуск.

– Это и был отпуск.

– Не отпуск, – поправил он, – а поездка всей семьей.

– Какая разница?

– А ты подумай.

В первые три года жизни Лондон любые попытки выехать из города требовали грандиозной подготовки, как широкомасштабная боевая операция: сбора памперсов, бутылочек, колясок, легких закусок, детского шампуня, сумок, набитых игрушками. Вырвавшись из города, мы посещали места, где было интересно Лондон, – океанариум, игровые комнаты в «Макдональдсе», пляжи. Мы выматывались, некогда было не только расслабиться, но и просто уделить хоть немного внимания самим себе.

Но за две недели до четвертого дня рождения Лондон Питерс отправил меня в Майами на конференцию, и я решил после ее окончания отдохнуть, взяв несколько дней в счет отпуска. Я уговорил своих родителей побыть с Лондон четыре дня, и, хотя Вивиан поначалу не решалась расстаться с дочерью, мы оба очень быстро поняли, как истосковались по… свободе. Мы листали журналы и читали книги, лежа у бассейна, потягивали пина коладу. Переодевались к ужину, подолгу смаковали вино и занимались любовью каждый день, порой даже не один раз. Однажды мы отправились в ночной клуб, танцевали чуть ли не до утра, а на следующий день отсыпались. К тому времени, как мы вернулись в Шарлотт, я наконец понял, что имел в виду отец.

С появлением детей меняется вся жизнь.

По-моему, было бы логичнее, если бы первый день выхода Вивиан на работу оказался не понедельником, а пятницей, тринадцатого числа: в этот день все сразу пошло *не так*.

Началось с того, что Вивиан побежала в душ первой, нарушив утренний распорядок, который годами оставался неизменным. Слегка растерявшись, я застелил постель и направился

на кухню варить кофе. Пока он готовился, я решил сделать для Вивиан завтрак: белковый омлет, ягоды и ломтики дыни. То же самое я приготовил и себе, решив, что мне не повредит сбросить несколько фунтов. Я заметил, что брюки стали туговаты в поясе.

Пока я готовил, спустилась Лондон. Ее встрепанные волосы стояли дыбом, вид у нее был усталый. Я поставил перед ней миску хлопьев.

– Не выспалась?

– Мистер и Миссис Крапинка все время будили меня. Вертелись в своем колесе, а оно скрипело.

– Плохо. Попробую что-нибудь придумать, чтобы оно больше не скрипело, хорошо?

Она кивнула, я налил себе первую чашку кофе. Только когда я пил уже третью чашку, наконец спустилась Вивиан. Я не мог оторвать от нее взгляда.

– Ого!

Я улыбнулся.

– Нравится?

– Выглядишь сногсшибательно, – честно ответил я. – А я тебе завтрак приготовил.

– Не знаю, буду ли я есть. Так нервничаю, что аппетит пропал.

Я подогрел белковый омлет в микроволновке, а Вивиан тем временем составила компанию Лондон, слушая ее жалобы на скрипучее колесо.

– Я уже сказал: попробую что-нибудь с этим сделать. – С этими словами я поставил тарелки на стол.

Я сел, Вивиан принялась вяло ковыряться в еде.

– Перед тем как начнешь причесывать Лондон, побрызгай волосы спреем для легкого расчесывания. Он рядом с раковиной, в зеленом флаконе.

– Не вопрос, – отозвался я, смутно припомнив, как Вивиан проделывала эту процедуру. И подцепил на вилку яичные белки.

Вивиан снова заговорила с Лондон:

– Сегодня папа запишет тебя в теннисный лагерь. Тебе там понравится.

Я замер, не успев поднести вилку ко рту.

– Погоди… то есть как?

– Ты про теннисный лагерь? Мы же вчера о нем говорили. Неужели не помнишь?

– Помню, что ты упоминала про него. Но не помню, чтобы мы приняли окончательное решение.

– Запись в лагерь начинается сегодня, все места наверняка мигом займут, так что постарайся успеть туда к половине девятого. Списки начнут составлять в девять. Занятие в изостудии у нее в одиннадцать.

– Мне надо еще доработать презентацию.

– Запись много времени не отнимет, а презентацию доработаешь, пока она будет в изостудии. В том же комплексе, через одну дверь, есть кофейня. Лондон не обидится, если ты не останешься на уроке – я обычно только отвозила ее и уходила в тренажерный зал. Во сколько у тебя встреча?

– В два.

– Вот видишь! Все замечательно. Рисование заканчивается в двенадцать тридцать, так что ты успеешь завезти Лондон к своей маме. Где находится изостудия, знаешь? За торговыми рядами, где «Фрайдис».

Я знал торговые ряды, о которых она говорила, но сейчас был сосредоточен на стремительно растущем списке обязательных дел.

– А нельзя просто позвонить в клуб и записать Лондон?

– Нельзя, – ответила Вивиан. – Им понадобится копия медицинского полиса, и надо подписать отказ от претензий.

Мысли в моей голове начинали путаться.

– А ей сегодня обязательно быть на рисовании?

Вивиан повернулась к Лондон.

– Ты сегодня хочешь на рисование, зайка?

Лондон кивнула.

– Там мой друг Бодхи, – объяснила она. – Его имя так и пишется – «Б-О-Д-Х-И», он очень хороший. Я сказала ему, что сегодня привезу Мистера и Миссис Крапинку.

– О, кстати: вам надо еще заехать в зоомагазин за опилками, – спохватилась Вивиан. – И не забудьте про хореографию. Начало в пять, студия в торговом центре, где супермаркет «Харрис Титер». – Вивиан встала из-за стола, поцеловала Лондон и обняла ее. – Мамочка поработает и вернется, хорошо? Только не забудь бросить грязную одежду в стирку.

– Ладно, мама. Я тебя люблю.

– Я тебя тоже.

Я проводил Вивиан до выхода и поцеловал.

– Ты сразишь их наповал, – заверил я.

– Надеюсь. – Она осторожно поправила прическу и достала из сумочки свернутый листок бумаги, который вручила мне. – Я набросала расписание Лондон, чтобы тебе было легче сориентироваться.

Я просмотрел список. Изостудия по понедельникам и пятницам в одиннадцать, уроки фортепиано по вторникам и четвергам в девять тридцать. Хореография в понедельник, среду и пятницу в пять. И начиная со следующей недели – теннисный лагерь в понедельник, вторник и четверг в восемь.

Я присвистнул.

– Ничего себе график! Не слишком плотный?

– Она справится, – улыбнулась Вивиан.

Почему-то я надеялся на долгие проводы. Думал, что мы еще поболтаем о том, как она переживает, и тому подобное, но Вивиан отвернулась и решительно направилась к машине.

И ни разу не оглянулась.

Не спрашивайте, как, но каким-то чудом я все успел.

Принять душ, побриться, влезть в офисную одежду

Побрызгать волосы Лондон спреем, потом причесать и одеть ее

Убрать на кухне, запустить посудомойку

Записать Лондон в теннисный лагерь и доставить ее на рисование вместе с Мистером и Миссис Крапинкой

Доработать презентацию, отвезти Лондон к маме, прибыть на встречу с мануальным терапевтом с запасом по времени в две минуты

Мануальный терапевт снимал помещение в обшарпанном офисном центре в промзоне – любой клиент почувствовал бы сомнение, обращаясь за медицинскими услугами в таком месте. Беглого осмотра хватило, чтобы понять: мой потенциальный клиент чрезвычайно нуждается в моей помощи.

Увы, сам клиент так не считал. Его не заинтересовала ни подготовленная мною презентация, ни мои объяснения. Гораздо больше он был занят своими сэндвичами и злился, что в них нет горчицы. Свое возмущение он выплеснул на меня трижды, а когда под конец презентации я спросил, есть ли у него вопросы, он задал только один: не завалялось ли у меня в машине лишнего пакетика горчицы.

Далеко не в лучшем настроении я отправился за Лондон к маме. По пути домой мы завернули в зоомагазин. Дома я сразу же засел за компьютер и проработал почти до урока хореографии. Поиск формы для него отнял немало времени, потому что ни Лондон, ни я понятия не имели, где Вивиан хранит ее, поэтому из дома мы выехали с опозданием на несколько минут, и Лондон сильно беспокоилась, поглядывая на часы.

– Мисс Хэмшоу ужасно сердится, когда кто-то опаздывает.

– Не волнуйся, я объясню ей, что это я виноват.

– Все равно.

Лондон оказалась права. Возле входа была устроена зона ожидания, где расположились пятеро молчащих женщин, прямо по курсу находилась дверь в репетиционный зал. От зоны ожидания ее отделяла невысокая перегородка с вращающейся дверцей. Справа в витринах красовались призы, стены были увешаны плакатами в честь побед учеников и танцевальных групп на национальных конкурсах.

– Давай заходи, – поторопил я.

– В зал мне нельзя, пока не разрешат…

– И что это значит?

– Папа, хватит говорить. Родители должны молчать, когда говорит мисс Хэмшоу. Ты все испортишь.

Мисс Хэмшоу – сурового вида женщина с волосами стального оттенка, собранными в тугой хвост, – отрывисто отдавала распоряжения классу, состоящему из ровесников Лондон. Скоро она дошла и до нас.

– Извините за опоздание, – начал я. – Сегодня мама Лондон вышла на работу, а я не смог найти ее костюм для танцев…

– Ясно, – перебила Хэмшоу, впившись в меня взглядом. Этим она ограничилась, но без слов сумела выразить свое недовольство, прежде чем наконец подтолкнула Лондон: – Можешь зайти в зал.

Лондон направилась к двери в студию, стыдливо опустив глаза.

Хэмшоу посмотрела вслед Лондон и снова повернулась ко мне:

– Прошу впредь такого не допускать. Опоздавшие отвлекают детей, а добиваться дисциплины от моих учеников и так непросто.

Выйдя из студии, я позвонил в офис. Сообщений для меня не было. Потом еще час смотрел, как Лондон и другие девочки изо всех сил стараются заслужить похвалу мисс Хэмшоу, показавшейся мне очень неприятной особой. За это время Лондон несколько раз порывалась грызть ногти.

Когда урок закончился, Лондон поплелась за мной к машине, отставая на несколько шагов и сутулясь. Пока мы не выехали со стоянки, она молчала.

– Папа!..

– Что, детка?

– Можно мне дома съесть «Лаки чармс»?

– Для ужина они не годятся. Они на завтрак. Ты же знаешь: маме это не нравится.

– А мама Бодхи разрешает ему иногда есть «Лаки чармс» на ужин. Ну пожалуйста, папочка!

Последние слова она произнесла умоляюще. Какой отец на моем месте смог бы отказать?

Я свернул к супермаркету, заскочил за коробкой хлопьев и приехал домой на три минуты позже, чем рассчитывал.

Дома я залил хлопья молоком для Лондон, отправил Вивиан сообщение с вопросом, когда она приедет, и ухитрился еще немного поработать, чувствовал я себя так, словно разрываюсь на части. Должно быть, я потерял счет времени, и лишь когда услышал, что Вивиан подъехала к дому, обратил внимание на часы – было уже восемь.

Восемь?

Лондон бросилась к двери, опередив меня. Вивиан подхватила ее на руки и поцеловала.

– Извини, задержалась. Срочная работа.

– А я думал, сегодня у тебя вводный день.

– Так и было. А в четыре стало известно, что какой-то журналист из «Ньюс энд Обзервер» в Роли готовит якобы «разоблачительный» материал по одному из проектов Уолтера. И мы разом перешли в экстренный режим работы. И я в том числе.

– А ты почему? Ты же первый день…

– Для этого они и наняли меня, – объяснила она. – Я имею большой опыт в сфере кризисного менеджмента. У бывшего босса вечно возникали трения с прессой. Словом, пришлось созывать совещание, вырабатывать план действий, общаться с внештатными пиарщиками Спаннермена… одно за другим. Надеюсь, ты оставил мне что-нибудь на ужин. Умираю с голоду.

Ой.

Должно быть, Вивиан заметила, как я изменился в лице, потому она опустила плечи.

– Ты не приготовил ужин?

– Нет, я доделывал кое-что по работе, и…

– Значит, и Лондон ничего не ела?

– Папа дал мне «Лаки чармс», – вмешалась дочь с сияющей улыбкой.

– «Лаки чармс»?

– Это же просто легкий перекус, – сказал я, пытаясь оправдаться.

Но Вивиан уже не слушала:

– Ну-ка, попробуем сообразить что-нибудь на ужин, хорошо? Что-нибудь полезное.

– Ладно, мамочка.

– Как прошло занятие танцами?

– Мы опоздали, – объяснила Лондон, – и учительница ужасно рассердилась на папу!

Лицо Вивиан превратилась в маску, недовольство на нем читалось так же отчетливо, как на лице мисс Хэмшоу.

– Ну а кроме экстренных ситуаций, как прошел твой первый день на работе? – спросил я Вивиан позднее, когда мы лежали в постели. Я видел, что она до сих пор сердится на меня.

– Прекрасно. Присутствовала на совещаниях и осваивалась на новом месте.

– А твой обед со Спаннерменом?

– По-моему, хорошо прошел, – ответила она и больше ничего не добавила.

– Как думаешь, ты с ним сработаешься?

– Вряд ли у нас возникнут какие-то проблемы. Большинство руководителей его компании в должности уже много лет.

Только если они женщины, мысленно возразил я.

– Если он начнет к тебе подкатывать, скажи мне, ладно?

Она вздохнула.

– Это же просто работа, Расс.

* * *

Я встал на рассвете и успел до пробуждения Вивиан поработать пару часов за компьютером. На кухне во время завтрака ее разговор со мной был исключительно деловым. Она вручила мне список покупок и напомнила, что у Лондон урок фортепиано, вдобавок попросила узнать, согласится ли учительница музыки, как только начнутся занятия в школе, перенести занятия на день или вечер вторника и четверга. Уже направляясь к двери, она повернулась ко мне:

– Можно попросить тебя сегодня быть более ответственным во всем, что касается Лондон? Приезжать на занятия вовремя и следить, чтобы она правильно питалась? Я ведь не прошу о чем-то сверхъестественном, а только о том, что сама делала много лет подряд.

Ее слова задели меня за живое, но, прежде чем я успел ответить, дверь за Вивиан уже закрылась.

Шлепая босыми ногами по ступенькам, Лондон сошла вниз через несколько минут после отъезда Вивиан и сразу спросила, можно ли ей на завтрак «Лаки чармс».

– Конечно, можно. – В голове еще вертелся разговор с Вивиан, поэтому в том, с какой готовностью я согласился выполнить просьбу дочери, определенно чувствовались вызов и агрессия. – А шоколадного молока хочешь?

– Хочу!

– Так я и думал, – отозвался я, размышляя о том, как к этому отнеслась бы Вивиан.

Лондон позавтракала, потом поиграла с Барби. Я расчесал ее, одел и повез на урок фортепиано. И не забыл попросить учительницу музыки поменять расписание ее уроков, а потом спешно повез дочь к родителям.

– А-а, – протянула мама, едва я переступил порог дома, где прошло мое детство, – снова ты.

Мама поцеловала Лондон, а я заметил, что на ней нет фартука. Одета она была в лиловое платье.

– А кто же еще? – отозвался я. – Но я всего на несколько минут – не хочу опаздывать.

Она похлопала Лондон по плечу.

– Лондон, милая, не хочешь печенья, которое мы испекли вчера? Оно в банке возле тостера.

– Я знаю где, – ответила Лондон и рванула на кухню, словно хлопьев в сахарной глазури, съеденных на завтрак, ей не хватило.

– Я так признателен тебе за помощь с Лондон, – сказал я.

– Видишь ли… в том-то и дело.

– Ты о чем?

– Сегодня у меня обед в «Красной шляпе». – Она указала на шляпу, лежащую на столе возле двери. Та была кричаще-яркой, оттенка клоунского рта, с павлиньими перьями.

– Я же тебе говорил: у меня всю неделю встречи.

– Я помню. Но ты спрашивал только, не посижу ли я с Лондон в понедельник.

– Я думал, ты поняла, что я имею в виду. И Лондон очень нравится гостить у тебя.

Мама взяла мою руку в свою ладонь.

– Так вот, Расс… Ты знаешь, как я ее люблю, но я не могу сидеть с Лондон ежедневно, пока не начнутся занятия в школе, – сообщила она. – Как и у тебя, у меня есть дела.

– Это же только на время, – напомнил я. – Надеюсь, на следующей неделе твоя помощь уже не понадобится.

– Завтра меня не будет дома. В моем клубе садоводов проходит семинар по тюльпанам и нарциссам, там можно купить редкие луковицы. Я надеялась удивить и порадовать твоего отца следующей весной. Ты же знаешь, ему всегда не везло с тюльпанами. А по четвергам и пятницам у меня волонтерская работа.

У меня вдруг закружилась голова. Я услышал, как мама вздохнула.

– Но сегодня, раз уж Лондон здесь… в какое время у тебя заканчивается встреча?

– Думаю, без четверти двенадцать.

– У меня обед в двенадцать, так что подъезжай за ней прямо в ресторан. А пока ты будешь занят, Лондон побудет со мной и с моими подругами.

– Отлично. – Я испытал облегчение. – Куда подъезжать?

Она назвала ресторан, который, как выяснилось, я знал, хотя ни разу не бывал там.

– Так когда, говоришь, у тебя встреча?

Встреча. Ах, черт.

– Мне пора, мама. Ты себе представить не можешь, как я тебе благодарен.

– Ты что, серьезно? – спросила Мардж. – Ты обиделся на маму только потому, что у нее есть своя жизнь?

Я гнал машину по шоссе, разговаривая по блютусу.

– Ты меня услышала? У меня всю неделю встречи. Что еще мне остается?

– Ну, привет! А дневные группы? А пригласить няню на пару часов? А попросить кого-нибудь из соседей? А напроситься в гости к кому-нибудь из друзей Лондон и оставить ее там на время?

– На все эти поиски у меня нет времени!

– А на болтовню со мной, значит, время есть.

Только потому, что я собираюсь подкинуть тебе Лондон завтра на пару часов.

– Мы с Вивиан об этом уже говорили. Лондон и без того трудно теперь, когда Вивиан вышла на работу.

– Да ну?

Если не считать явной нелюбви к урокам хореографии, вроде ничего сложного. Но…

– В общем, я позвонил в надежде, что…

– Даже не пытайся, – предостерегла Мардж, перебив меня.

– Что не пытаться?

– Сейчас ты попросишь меня посидеть с Лондон завтра, потому что мама не может. Или в четверг, или в пятницу. Или все три дня.

Я же говорил: Мардж мудрости не занимать.

– Не понимаю, о чем ты.

– Не прикидывайся идиотом. А зачем еще ты мне звонишь? Сколько раз за последние пять лет ты звонил мне на работу?

– Навскидку не скажу, – признался я.

– Ни разу.

– Вранье.

– Ты прав. На самом деле ты звонишь мне каждый день. Мы часами болтаем и хихикаем как подружки. Погоди минутку…

Я услышал, как она закашлялась.

– Что с тобой? – спросил я.

– Кажется, вирус подцепила.

– Летом?

– Вчера пришлось вести отца к врачу, а у того в приемной просто рассадник болезней. Странно еще, что меня оттуда на носилках не вынесли.

– А как отец?

– Результаты анализов придут только через несколько дней, но ЭГК, и обычная, и с нагрузкой, показывает, что сердце в норме. Легкие тоже. Врач глазам не верил, а отец смотрел на него с таким видом…

– Он такой, – согласился я, и мои мысли вернулись к дочери. – Ну и что мне делать с Лондон, если я не найду никого, кто посидит с ней?

– Ты же не дурак. Выкрутишься.

– Спасибо за помощь, сестренка. Такая ты отзывчивая.

– Стараюсь.

Встреча с хозяевами магазина сэндвичей прошла примерно так же, как и с мануальным терапевтом накануне. И дело было не в отсутствии интереса с их стороны. Хозяева, супружеская пара выходцев из Греции, понимали, что реклама поможет их бизнесу, но, к сожалению, зарабатывали ровно столько, чтобы покрывать текущие затраты. Они просили меня прийти еще раз через несколько месяцев, а когда я уже собирался уходить, предложили мне сэндвич.

– Очень вкусно, – уверял хозяин. – Все сэндвичи мы делаем на свежей пите, которую прямо здесь и печем.

– По рецепту моей бабушки, – добавила его жена.

Да, хлеб пах божественно. Я видел, как старательно хозяин делает сэндвич. Его жена спросила, не хочу ли я жареной картошки и чего-нибудь выпить. *А почему бы и нет?* И наконец оба с улыбками вручили мне обед.

К ресторану, где общество «Красная шляпа» устраивало обед, я подъехал в четверть первого. Несмотря на все неудобства, которые я доставил маме, мне показалось, что она была рада показать подругам внучку.

– Папочка! – едва увидев меня, Лондон сорвалась с места и бросилась навстречу. – Они сказали, что мне можно приходить к ним на обед, когда я захочу!

Мама поднялась из-за стола, отвела меня в сторонку и обняла.

– Спасибо, что побыла с ней, мама.

– Мне это в радость, – заверила она. – Ее все полюбили.

– Вижу.

– Но завтра и в остальные дни недели…

– Понимаю, – кивнул я. – Тюльпаны и волонтерство.

Всю дорогу домой я держал Лондон за руку. В моей ладони ее рука казалась совсем крошечной, теплой и уютной.

– Папа… – начала она.

– Да?

– Я есть хочу.

– Приедем домой – сделаю тебе сэндвич с арахисовой пастой и желе.

– Не получится, – возразила Лондон.

– Почему?

– У нас нет хлеба.

И мы отправились в продуктовый магазин, где я впервые в жизни взял *тележку*.

Следующий час я медленно набирал все по списку Вивиан и не раз возвращался в те отделы, где уже побывал. Понятия не имею, как я справился бы, если не помощь Лондон, которая разбиралась в товарах на удивление хорошо для своих пяти лет. Я не представлял, где искать тыкву-спагетти, не знал, что спелость авокадо можно определить, слегка нажав на него, но благодаря Лондон и немногочисленному персоналу магазина сумел добраться до конца списка. Находясь в магазине, я видел матерей с детьми всех возрастов, большинство казались такими же озабоченными, и у меня возникло мимолетное ощущение родства с ними. Интересно, сколько из них, подобно мне, предпочли бы работу в офисе походу в мясной отдел, где я битый час разыскивал грудки экологически чистых кур, выращенных на свободном выгуле.

Дома я сделал сэндвич для Лондон, распаковал покупки и остаток дня работал и наводил порядок, убеждаясь в том, что у Лондон все хорошо, и безуспешно пытаясь избавиться от навязчивой мысли, что я плыву против течения. Вивиан вернулась в половине седьмого, заглянула на несколько минут к Лондон, а потом пришла на кухню, где я уже начинал заправлять салат.

– Как там курятина с марсалой – готовится?

– Какая курятина?

– И с тыквой-спагетти на гарнир?

– Эм-м…

Она засмеялась.

– Шучу! Я сама приготовлю. Это быстро.

– Как дела на работе?

– Напряженно, – ответила она. – Почти весь день выясняла насчет журналиста, о котором я говорила тебе вчера, и пыталась понять, в каком ключе он собирается написать свою статью. И конечно, как предотвратить ее распространение и как противопоставить ей наш материал.

– Ты уже догадываешься, что это будет за статья?

– Наверное, как обычно, чепуха. Этот журналист помешан на защите окружающей среды и якобы беседовал с людьми, которые утверждают, что один из комплексов с видом на океан был возведен с нарушением регламента и не только является незаконной постройкой, но и вызвал сильную береговую эрозию во время последнего тропического циклона. В общем, мать-природа наносит удар, а виноваты во всем богачи.

– Но ты ведь знаешь, что Спаннермена экология не заботит?

Вивиан налила себе бокал вина.

– Уолтер уже не такой, как прежде. Со времен вашего знакомства он сильно изменился.

Вряд ли, подумал я, но сказал:

– Похоже, ты справляешься с работой.

– Меня радует только одно – что на этой неделе статья не выйдет. Уолтер запланировал в эти выходные масштабное мероприятие по сбору средств в Атланте. Для своего общественного канала.

– У него и общественный канал есть?

– Я же тебе говорила, – напомнила она, поставила на плиту сковородку, положила в нее курицу и принялась рыться в шкафчике со специями. – Уолтер открыл его пару лет назад, на собственные средства. А теперь решил обратиться за помощью и поддержкой. Вот эти мероприятия я и буду курировать ближайшие три дня. Для организации он нанял компанию, и, хотя они работают неплохо, Уолтер требует, чтобы все было идеально. Вот я и понадобилась. Он знает о моих связях в шоу-бизнесе, поэтому захотел, чтобы я организовала выступление звезд. Что-нибудь грандиозное.

– На ближайшие выходные? У тебя почти не осталось времени.

– Вот именно. Так я ему и сказала. А потом созвонилась с моим прежним боссом, он назвал мне имена людей, с которыми можно попробовать связаться, так что мы еще посмотрим, что из этого выйдет. Зато Уолтер готов заплатить любые деньги. Но, так или иначе, всю неделю мне придется работать допоздна. И съездить в Атланту.

– Ты серьезно? – удивился я. – Но ты же работаешь всего два дня.

– Только не надо этого! Можно подумать, он предоставил мне выбор! Съедутся почти все крупные застройщики от Техаса до Виргинии, все наше руководство. И потом, это не на все выходные: я улетаю в субботу, а в воскресенье уже вернусь.

Это мне совершенно не нравилось, но что я мог поделать?

– Ну хорошо, – ответил я. – Похоже, ты уже становишься незаменимой.

– Стараюсь, – улыбнулась она. – Как Лондон? Как прошел урок музыки?

– Отлично, но, по-моему, танцы ей не очень нравятся. Вчера после занятий она приуныла.

– Учительница была недовольна, потому что вы опоздали. Поэтому Лондон и расстроилась.

– Эта учительница слишком строгая.

– Так и есть. Поэтому ее танцевальные группы так часто побеждают в конкурсах. – Она кивком указала в сторону Лондон. – Может, поможешь ей с купанием, пока я готовлю ужин?

– Прямо сейчас?

– Тогда ты сможешь почитать ей сразу после еды, а потом мы ее уложим. Она устала, а меня ждет еще целая гора работы.

– Ладно, – смирился я, понимая, что мне вновь придется лечь в постель одному.

Глава 7
Вдвоем

Когда Лондон было три с половиной, мы втроем устроили пикник на озере Норман – в первый и единственный раз. Вивиан приготовила изумительный обед, а по пути к озеру, поскольку день выдался ветреный, мы заехали в магазин товаров для хобби и купили воздушного змея. Я выбрал из тех, которые были популярны в моем детстве, – простой и недорогой.

Мне удалось запустить его, и, как только он поднялся выше, создалось впечатление, что он приклеен к небу. Он не падал – стоял я на месте или ходил, потом я отдал Лондон катушку и закрепил нитку у нее на запястье, но и она легко с ним справлялась. Она и цветы собирала, и гонялась за бабочками, и тискала, сидя на траве, маленького кокер-спаниеля пары, расположившейся по соседству, который карабкался к ней на колени, а змей все так же неподвижно висел в воздухе. А когда мы наконец собрались перекусить, я зацепил нитку за ближайшую скамейку, и змей продолжал парить над нами.

Вивиан была в приподнятом настроении, и мы провели в парке почти весь день. Помню, на обратном пути я размышлял, что ради таких моментов и стоит жить и что я не обману ожидания своей семьи, что бы ни случилось.

Но прямо сейчас именно это и происходило. По крайней мере, так мне казалось. Меня не покидало ощущение, что я обманываю ожидания всех и каждого, в том числе себя самого.

Наступила среда, третий рабочий день Вивиан, и я остался с Лондон.

На весь день.

Стоя вместе с дочкой возле офиса мануального терапевта номер два, я не мог отделаться от мысли, будто увез ее в чужую страну. Мне было страшно оставлять ее в приемной среди незнакомых людей: газеты и вечерние выпуски новостей убедили современных родителей, что зло не дремлет и ждет подходящего случая.

Неужели и мои родители точно так же беспокоились за нас с Мардж? Ответ нашелся через долю секунды. Конечно же, нет. Отец часто оставлял меня на скамейке возле старой пивной, куда он наведывался с друзьями. А скамейка находилась на углу оживленной улицы, неподалеку от автобусной остановки.

– Ты ведь понимаешь, как важна эта встреча для папы, да?

– Понимаю, – кивнула Лондон.

– Я хочу, чтобы ты сидела тихо.

– Никуда не уходила, не вставала с места, не разговаривала с чужими. Ты уже мне все это сказала.

Наверное, мы с Вивиан правильно воспитывали Лондон, потому что она вела себя так, как было велено. Секретарь в приемной даже похвалила послушную юную леди, тем самым немного уняв мою тревогу.

Увы, и этот клиент не заинтересовался моими услугами. Так разочарование постигло меня в третий раз. А в ресторане на следующий день – в четвертый.

Я старался сохранять оптимизм и приготовил свою лучшую презентацию к встрече в пятницу днем. Хозяйка спа-салона, словоохотливая блондинка за пятьдесят, излучала энтузиазм. Мне даже показалось, что дела у нее и без рекламы идут отлично. Она прекрасно представляла, чем я занимаюсь, и помнила некоторые из моих рекламных кампаний. В разговоре с ней я чувствовал себя непринужденно и уверенно и решил, что выступил успешнее, чем когда-либо прежде. Но удача и на этот раз не улыбнулась мне.

Я не только не получил результата от прошедших встреч, но и не назначил ни одной на будущую неделю.

Но вечер свидания никто не отменял.

Когда особо нечему радоваться, радуйся мелочам, верно?

Не совсем так. В то время как я терпел одну неудачу за другой, Вивиан определенно блистала на своей новой работе. Она даже сумела договориться о выступлении с музыкальной группой, популярной в восьмидесятых. Как ей это удалось, не имею ни малейшего представления. А я проводил все больше времени вдвоем с Лондон.

Вот только… это меня совсем не радовало. Постоянно хватаясь то за одно, то за другое, я чувствовал себя так, будто *работал на* Лондон, а не *наслаждался временем*, проведенным с ней.

Может, не я один такой? И у других родителей тоже возникает подобное чувство?

Но вечер свидания – это вечер свидания, поэтому, пока Лондон была на хореографии, я рванул в магазин, купил семги, стейков и бутылку отличного шардоне. Когда мы вернулись, внедорожник Вивиан уже стоял у дома. Лондон выскочила из машины, зовя маму. Я последовал за ней, неся в руке пакет, набитый покупками к ужину, и увидел, что Лондон уже спускается с лестницы. Вивиан нигде не было видно, но вдруг я услышал, как она зовет дочь из спальни.

Лондон бросилась туда, и я услышал слова Вивиан:

– Наконец-то, детка! Как прошел день?

В спальне я увидел Вивиан и Лондон возле кровати, на которой лежал открытый и уже уложенный чемодан – вместе с двумя пустыми пакетами из магазинов одежды.

«*По делам*»…

– Уже готовишься к завтрашнему отъезду…

– Я уезжаю сегодня.

– Уезжаешь? – выпалила Лондон, опередив меня.

Я увидел, как Вивиан кладет руку на плечо дочери.

– Мне тоже не хочется, но надо. Извини, зайка.

– Но я не хочу, чтобы ты уезжала, – возразила Лондон.

– Понимаю, милая. Но в воскресенье, когда я вернусь домой, мы наверстаем упущенное. Придумаем что-нибудь интересное только для нас с тобой.

– Что придумаем? – оживилась Лондон.

– Что захочешь.

– А можно… – Лондон задумалась, перебирая варианты. – Можно, мы поедем на ферму, где голубика? Ты меня уже возила туда. И будем собирать голубику и гладить животных!

– Отличная мысль! – подхватила Вивиан. – Так и сделаем.

– А еще нам надо убрать у хомяков в клетке.

– Твой папа сделает это. А пока давайте что-нибудь поедим, хорошо? Кажется, у нас остались курица и рис. Подожди маму на кухне, я приду через минутку, только поговорю с папой, ладно?

– Ладно, – кивнула Лондон.

– Значит, – заговорил я, когда Лондон оставила нас вдвоем, – ты уезжаешь сегодня.

– Да, через полчаса. Уолтер хочет, чтобы я и еще пара сотрудников сделали контрольный обход с менеджером «Ритц-Карлтона», убедились, что все готово.

– «Ритц-Карлтона»? Вы там остановитесь?

Она кивнула.

– Понимаю, ты расстроился. Но, к твоему сведению, я тоже не в восторге от того, что проведу две ночи вдали от дома. Просто стараюсь не подавать виду.

– Ничего другого тебе не остается. – Я заставил себя улыбнуться.

– Дай мне немного побыть с Лондон, хорошо? По-моему, она обиделась.

– Ага, – ответил я, – ладно.

Она посмотрела мне в глаза.

– А ты на меня сердишься.

– Вообще-то нет. Просто не хочу, чтобы ты уезжала. Нет, я все понимаю, но я так ждал возможности побыть с тобой сегодня вечером.

– Знаю, я тоже. – Она прильнула ко мне и быстро поцеловала. – Мы все наверстаем в следующую пятницу, ладно?

– Ладно.

– Ты не застегнешь молнию? Боюсь испортить ногти, я их только что накрасила. – Она показала мне маникюр. – Цвет ничего?

– Отличный, – заверил я, потом застегнул чемодан и поставил его на пол. – Говоришь, контрольный обход в отеле сегодня вечером?

– Эта затея принимает внушительные масштабы.

– До Атланты четыре часа езды.

– Я не еду, а лечу.

– Во сколько у тебя рейс?

– В половине седьмого.

– А разве ты не должна быть уже на полпути в аэропорт? Или ждать регистрации?

– Мы летим на частном самолете Уолтера.

Уолтер. Звук этого имени я начинал ненавидеть сильнее, чем выражение «*по делам*».

– Ого, – сказал я, – ты преуспеваешь.

– Это его самолет, – улыбнулась она, – а не мой.

– Я же знала, что ты и в одиночку справишься, – заявила Мардж. – Можешь гордиться.

– Не могу. Нет сил.

К родителям в субботу мы прибыли в одиннадцать, и уже к тому времени установилась изнурительная жара. Мардж и Лиз сидели напротив меня на веранде, пока я во всех подробностях пересказывал события прошедшей недели. Лондон помогала моей маме делать сэндвичи; отец, как обычно, возился в гараже.

– И что? Ты же сам сказал, что последняя презентация была самой удачной.

– Да, презентация получилась хорошей. Но я не назначил ни единой встречи на следующей неделе.

– В этом есть свои плюсы, – возразила Мардж, – тебе будет гораздо проще возить Лондон на занятия, и времени для уборки и готовки останется больше.

В ответ на мой возмущенный взгляд Мардж только засмеялась:

– Не кипятись! Ты же знал, что неделя будет сумасшедшей, еще когда Вивиан только начала работать. Как известно, перед рассветом тьма сгущается. По-моему, ждать рассвета осталось недолго.

– Ну, не знаю, – вздохнул я. – По пути сюда сегодня утром я думал, что надо было мне стать сантехником, как отец. У них всегда работы хоть отбавляй.

– Верно, – согласилась Мардж, – но и дерьма в этой работе хватает.

Я усмехнулся:

– Ну а что я могу сказать? Я несу смех и радость всем, кто меня окружает. Даже братцам-нытикам.

– Я и не думал ныть.

– Как бы не так. Ты начал ныть, не успев переступить порог.

– Это правда, Лиз?

Лиз с отсутствующим видом провела ладонью по подлокотнику и ответила:

– Ну, разве что самую малость.

После обеда, когда жара усилилась, я решил сводить Лондон в кино на какой-нибудь мультфильм. Мардж и Лиз поехали с нами и радовались не меньше чем Лондон. Мне хотелось расслабиться, но мысли невольно возвращались к событиям предыдущей недели, и я с тревогой думал о том, что ждет меня дальше.

После кино возвращаться домой не хотелось. Мардж и Лиз тоже охотно задержались у родителей. Мама приготовила запеканку с тунцом, которая привела Лондон в восторг, как роскошное угощение. Она съела порцию больше обычной и по пути домой задремала в машине. Я рассчитывал наскоро искупать ее, немного почитать на ночь и остаток вечера провести перед телевизором.

Но не тут-то было. Едва очутившись дома, Лондон побежала проверить хомяков, и я услышал, как она зовет меня сверху:

– Папа, иди сюда скорее! Что-то случилось с Миссис Крапинкой!

Я поспешил к ней в комнату, заглянул в клетку и увидел хомяка, который, как мне показалось, пытался прогрызть стекло. В детской пахло как в хлеву.

– По-моему, с ней все в порядке, – оценил я.

– Это Мистер Крапинка. А Миссис Крапинка не шевелится.

Я присмотрелся.

– Она просто спит, детка.

– А вдруг заболела?

Я понятия не имел, что теперь делать, но все-таки открыл клетку и взял Миссис Крапинку в ладонь. Она была теплой – уже неплохо, – и сразу же зашевелилась.

– С ней все хорошо?

– Мне кажется, да, – ответил я. – Хочешь подержать ее?

Она кивнула и подставила сложенные ковшиком ладони, и я посадил в них хомяка. Лондон поднесла зверька к лицу.

– Я подержу ее немного, просто чтобы точно знать, что все хорошо…

– Ладно. – Я поцеловал дочь в макушку. – Только не очень долго, хорошо? Уже пора спать.

После еще одного поцелуя в макушку я направился к двери.

– Папа! – окликнула она.

– Что?

– Надо почистить клетку.

– Завтра, ладно? Я немного устал.

– Мама сказала, что ты почистишь.

– Почищу обязательно. Только завтра.

– А если Миссис Крапинка от этого заболела? Хочу, чтобы ты почистил ее прямо сейчас. – Она не желала ничего слушать и повысила голос, а я был не в настроении терпеть ее капризы.

– Скоро вернусь и уложу тебя в постель. Только не забудь бросить грязную одежду в корзину.

Следующие полчаса я переключал каналы, но смотреть было нечего. Больше сотни каналов – и ничего интересного, и к моей усталости добавилось раздражение. Завтра придется выгребать дерьмо из хомячьей клетки, мой список потенциальных клиентов сократился до нуля, и если не произойдет чуда, следующая неделя пройдет впустую. А моя жена тем временем летает на частных самолетах и останавливается в «Ритц-Карлтоне».

Наконец я встал с дивана и направился в комнату Лондон. К тому времени хомяки были возвращены в клетку, а Лондон играла с Барби.

– Детка! – позвал я. – Готова купаться?

Она ответила, не оборачиваясь:

– Не пойду сегодня купаться.

– Но ты же днем вся вспотела.

– Не пойду.

Я растерялся.

– Что случилось, детка?

– Я на тебя обиделась.

– Почему ты обиделась на меня?

– Потому что тебе совсем не жалко Мистера и Миссис Крапинку.

– Конечно, мне их жалко! – Хомяки в клетке возились, как обычно по вечерам. – А тебе обязательно надо помыться.

– Хочу, чтобы меня мамочка искупала.

– Понимаю. Но мамочки нет.

– Тогда не пойду купаться.

– А на меня посмотришь?

– Нет.

Она произнесла это слово почти как Вивиан. Между тем Барби в руках Лондон продолжала метаться по всему Барби-дому, едва не сшибая мебель.

– Так я налью тебе ванну, хорошо? И напущу много пены. А потом мы поговорим.

Как и обещал, я напустил в воду побольше пены, а когда ванна наполнилась, закрыл кран и пришел за Лондон. Она не сдвинулась с места, Барби по-прежнему бесновалась в своем доме, Кен составил ей компанию.

– *Я не могу приготовить завтрак*, – услышал я, как Барби говорит Кену голосом моей дочери, – *мне надо на работу*.

– *Но на работу ходят папы*, – возразил Кен.

– *А об этом надо было подумать до того, как ты уволился*.

У меня внутри все сжалось: Лондон явно подражала нам с Вивиан.

– Твоя ванна готова, – объявил я.

– Я же сказала: не пойду!

– Давай мы просто…

– НЕТ! – завизжала она. – Не пойду купаться, и ты меня не заставишь! Ты заставил маму пойти на работу!

– Я не заставлял ее…

– НЕТ, ЗАСТАВИЛ! – выкрикнула она, а когда повернулась, я увидел, что она в слезах. – Мама сама сказала, что ей надо на работу, потому что ты не работаешь!

Другой отец, возможно, не стал бы оправдываться, но я был измотан, а ее слова попали точно в цель.

– Я работаю! – повысив голос, сказал я. – И о тебе забочусь, и в доме убираю!

– Хочу к маме! – расплакалась она, и я впервые за весь день вдруг понял, что сегодня Вивиан не звонила. И я не звонил ей, а мероприятие, наверное, было в разгаре.

Я тяжело вздохнул.

– Завтра мама вернется, и вы вдвоем поедете на ферму собирать голубику, или ты забыла? Неужели тебе не хочется быть чистой к маминому приезду?

– НЕТ! – крикнула она. – Ты плохой!

Не успев опомниться, я пересек комнату и схватил Лондон за руку. Она отбивалась и визжала, а я волок ее в ванную, как на видео на «Ютюбе» о жестоком обращении с детьми.

– Или ты сама разденешься и сядешь в ванну, или тебя раздену я. Я не шучу.

– УХОДИ! – закричала она, и я, разложив ее пижаму, закрыл дверь. Следующие несколько минут я слушал, как она плачет, разговаривая сама с собой, и ждал за дверью.

– Давай-ка в ванну, Лондон, – велел я через дверь. – Иначе будешь сама чистить клетку!

Она снова расплакалась, но немного погодя я услышал, как она забирается в ванну. Вскоре она уже разговаривала с игрушками, и от недавней вспышки агрессии не осталось и следа. Наконец дверь открылась, Лондон вышла в пижаме, с мокрыми волосами.

– Можно мне сегодня высушить волосы, а не спать с мокрыми?

– Конечно, можно, детка.

– Я скучаю по маме.

Я присел на корточки и обнял ее, вдохнув сладкий и чистый запах мыла и шампуня.

– Знаю, – сказал я и прижал ее к себе.

Как такой никудышный отец, как я, может быть причастен к появлению такого чуда? Я не переставал думать об этом…

Лежа рядом с Лондон в постели, я читал ей про Ноев ковчег. Больше всего ей нравилось то место, когда ковчег был достроен и к нему начали стекаться звери – его я прочел дважды.

– «По двое, – читал я вслух, – пара за парой, шли они со всей Земли: львы, лошади, собаки, слоны, зебры и жирафы…»

– И хомячки, – добавила Лондон.

– И хомячки, – согласился я. – «По двое они входили в ковчег. Как же они все там поместятся, думали люди. Но Бог и об этом позаботился. Поместились все, внутри ковчега всем хватило места, и все животные были счастливы. Так, по двое, они и остались внутри ковчега, когда начался дождь».

Лондон уже дремала, когда я дочитывал рассказ. Я погасил свет и поцеловал ее в щеку.

– Папа любит тебя, Лондон, – прошептал я.

– И я тебя люблю, папа, – сонно пролепетала она. А я тихонько вышел из комнаты.

По двое, вдвоем, повторял я мысленно, спускаясь по лестнице. Лондон и я, отец и дочь, мы оба стараемся как можем.

Но все равно мне казалось, будто я обманул ее во всем.

Глава 8
Новый опыт

В прошлом феврале, когда ситуация в агентстве изменилась в худшую для меня сторону, Лондон заболела гриппом, причем очень серьезно. Два дня подряд ее почти непрерывно выворачивало, и нам пришлось везти ее в больницу, чтобы остановить рвоту и избежать обезвоживания.

Я был напуган. Вивиан тоже, но с врачами она общалась, излучая гораздо больше уверенности, чем я, спокойно, сдержанно задавала вопросы.

На ночь Лондон в больнице не оставили, и когда мы привезли ее домой, Вивиан просидела с ней до полуночи. Поскольку накануне она не ложилась всю ночь, я сменил ее. Как и Вивиан, я сидел в качалке и держал Лондон на руках. Ее все еще лихорадило – хорошо помню, какой маленькой и хрупкой она казалась, завернутая в тонкое одеяло, взмокшая и в то же время дрожащая в ознобе. Каждые двадцать минут она просыпалась. Лишь около шести я наконец уложил ее в кровать и спустился на кухню выпить кофе. Час спустя, когда я наливал себе еще одну чашку, Лондон прошлепала через кухню и села за стол рядом с Вивиан. Она была вялой и бледной.

– Привет, детка, как себя чувствуешь?

– Есть хочу, – ответила Лондон.

– Хороший признак, – заметила Вивиан, приложила ладонь ко лбу Лондон и улыбнулась. – Кажется, температура спала.

– Мне немного лучше.

– Расс, ты не насыплешь «Чириос» в миску? Только без молока.

– Сейчас, – отозвался я.

– Попробуй съесть завтрак без молока, ладно? А то у тебя опять разболится животик.

Я поставил миску с завтраком на стол, прихватил свою чашку с кофе и сел.

– Ты совсем разболелась, – сказал я. – Мы с мамой так за тебя беспокоились! Так что сегодня все будем отдыхать, хорошо?

Лондон кивнула, продолжая жевать хлопья. Я радовался, что она наконец-то ест.

– Мама, спасибо, что ты держала меня на руках, когда мне было плохо.

– Не за что, милая. Я же всегда делаю это, когда тебе нездоровится.

– Да, – кивнула Лондон.

Я пил кофе, ожидая, что Вивиан скажет, что и я помогал.

Но она промолчала.

Дети живучи.

Я-то знаю – мои родители говорили так, сколько я себя помню, особенно когда объясняли, какими принципами руководствовались в воспитании детей. «*Но как вы могли так поступать с нами*?» – допытывались мы. «*Да ладно вам. Дети живучи*».

Положа руку на сердце в их словах была доля истины. Когда в воскресенье утром Лондон спустилась на кухню, казалось, она напрочь забыла о том, как скандалила накануне вечером. Она радостно щебетала и повеселела еще больше, когда я разрешил ей съесть на завтрак «Лаки чармс», а сам ушел наверх чистить клетку ее хомяков. Я выгреб из нее полпакета грязных опилок и вынес их в мусорный бак в гараже. В дальнем углу я увидел велосипед Лондон и, хотя начиналась жара, решил, как мы с дочерью проведем сегодняшнее утро.

– Слушай, – заговорил я, вернувшись в дом, – хочешь заняться интересным делом?

– Каким? – спросила она.

– Давай снова покатаемся на велосипеде? Может, даже без страховочных колес.

– Я упаду, – засомневалась она.

– Не упадешь, обещаю. Я буду идти рядом и держать тебя за седло.

– Я так давно не каталась…

И еще ни разу не пробовала на двух колесах, мысленно добавил я.

– Ничего. Если тебе не понравится или станет страшно, мы не будем продолжать.

– Мне не страшно, – объяснила она. – Но маме не понравится, если я буду вся потная.

– Если вспотеешь, то вымоешься. Ну что, хочешь попробовать?

Она задумалась.

– Только недолго, – предупредила она. – А когда мама приедет?

Как будто услышав наш разговор с расстояния многих миль, зазвонил мой мобильник, на экране высветилось имя Вивиан.

– Вот сейчас и узнаем. Это твоя мама. – Я потянулся за телефоном. – Она, наверное, как раз думала о тебе. – Я принял вызов и нажал кнопку громкой связи. – Привет, дорогая. Как ты? Как дела? Я на громкой связи, мы с Лондон слушаем тебя.

– Эй, детка! – послышался голос Вивиан. – Привет! Я так виновата, не смогла позвонить вчера! Совсем забегалась, ни минуты свободной с самого приезда. Ну, как ты? Как вчера прошел день?

– Было весело, – ответила Лондон. – Я ездила к бабуле, потом мы с папой, тетей Мардж и тетей Лиз ходили в кино и так смеялись!..

Пока Вивиан болтала с Лондон, я налил себе еще кофе и жестами показал, что схожу в спальню переодеться. Я наскоро надел шорты, футболку и разыскал кроссовки, в которых раньше ходил в тренажерный зал. Возвращаясь на кухню, я слышал, как Лондон рассказывает маме про хомяков. Наконец Вивиан позвала меня.

Взяв телефон, я отключил громкую связь.

– Слушаю, – сказал я.

– Она в отличном настроении. Похоже, вы с ней поладили. Я тебе даже завидую…

Я замялся, вспоминая вчерашний вечер.

– Да, все хорошо. А у тебя как прошел вчерашний вечер?

– Замечательно, как по маслу. Уолтер в восторге! И видеопрезентации были просто супер, и музыка. Народ остался доволен.

– Рад, что все получилось.

– Еще как получилось! Мы кучу денег собрали. Оказывается, не только Уолтер не доволен политикой нынешней администрации и конгресса в отношении застройки. Законы становятся один другого абсурднее. Застройщиков обложили со всех сторон, о получении прибыли уже даже речи не идет!

Оно и видно – по самолету Уолтера, подумал я.

– Когда возвращаешься?

– Надеюсь, к часу успею. Но нам, возможно, предстоит еще обед с одним застройщиком из Миссисипи. Если так, то вернусь ближе к трем.

– Погоди минутку, – попросил я и вышел из кухни в гостиную. – А как же за голубикой на ферму?

– Даже не знаю, успеем ли мы.

– Но ты ведь обещала Лондон.

– Я не обещала.

– Я присутствовал при этом, Вив, и все слышал. Да еще прикрывал тебя вчера вечером.

– И что это значит?

Я рассказал, что случилось накануне вечером.

– Хуже некуда, – отреагировала она. – Не надо было ей напоминать.

– Хочешь сказать, это я во всем виноват?

– Теперь она еще больше расстроится.

– Потому что ты обещала ей.

– Прекрати, Расс, хорошо? Я на ногах уже почти двадцать часов, я почти не спала! Просто поговори с ней, и все. *Объясни* ей все.

– Что я должен ей объяснить?

– Только не надо говорить со мной таким тоном. Не я устраиваю этот обед. Я здесь потому, что так пожелал Уолтер, на кону огромные деньги.

– У Спаннермена и без того куча денег. Он же миллиардер.

Я услышал ее протяжный усталый вздох.

– Я ведь объяснила тебе, – нервно продолжала она, – может быть, я еще успею. Если обед не состоится, я вернусь домой к часу. Через час или два буду знать точно.

– Ладно. Сообщи мне.

Я решил ничего не говорить Лондон, пока не буду знать точно, и она вышла следом за мной из дома, наблюдая, как я готовлюсь к прогулке. Велосипед был весь в пыли, поэтому я вынес шланг и окатил его, а затем вытер насухо салфетками, подкачал шины и убедился, что они не спускают. Потом пришлось искать гаечный ключ – как инструменты умудряются исчезать бесследно? – и отвинчивать страховочные колеса. Лондон немного подросла, поэтому я поднял сиденье и руль, а когда все было готово, она вышла со мной на улицу и уселась в седло.

– Помнишь, что надо делать? – спросил я, поправляя на ней шлем.

– Крутить педали, – ответила она. – Только ты держи меня, не отпускай, ладно?

– Не отпущу, пока ты сама не скажешь.

– А если не скажу?

– Тогда не отпущу.

Лондон нажала на педаль и покатилась, вихляя из стороны в сторону, а я придерживал ее за седло и трусцой бежал следом. Вскоре мое дыхание стало хриплым, со лба закапал пот. Затем заструился ручьем. Мы прокатились туда-обратно столько раз, что сбились со счета, и наконец, когда я уже собирался попросить передышки, Лондон начала чувствовать себя увереннее, по крайней мере на прямых участках. Мало-помалу я смог разжать пальцы и теперь только слегка касался седла, чтобы снова схватиться за него, если Лондон начнет крениться вбок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.